

25 Února 1931.

— **Volné Kozáctvo** —

Ročník IV.

75

25-го февраля 1931 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

25-го лютого 1931 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 4-ий

Ж. Лигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Петр Закрепа*: Прости... (S Bohem!).
 2. *В. П. Елисеев*: О родном. (O milém).
 3. *Гнат Макуха*: ** Вірш. (Verše).
 4. *Антонина Козлова*: Вольному Яику. (Volnému Jaiku).
 5. *И. М. Назаров*: На смерть Донского Атамана А. М. Назарова. (Památce Donského Atamana Nazarova).
-
6. Ответы — вопросы. (Odpovědi — otázky).
 7. *А. Ленивов*: К годовщине Степного Похода (19¹²/п18—19¹²/п31).. (Výročí Stepního tažení).
 8. *П. И. Кокунько*: Наше прошлое. (Naše minulé).
 9. *С. Балыков*: Восточные соседи Казачества. (Východní sousedé kozáků).
 10. *Д. Воротынский*: Р. П. Кумов. (R. Kumov).
 11. *Н. Нечуй-Левицкий*: Страшен сон, да милостив Бог. (Strašný sen, ale milostivý Bůh).
 12. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 13. *П. Кудинов*: Две лжи. (Dvě lži).
 14. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 15. В Казакии. (V Kozakii).

Почтовый ящик.

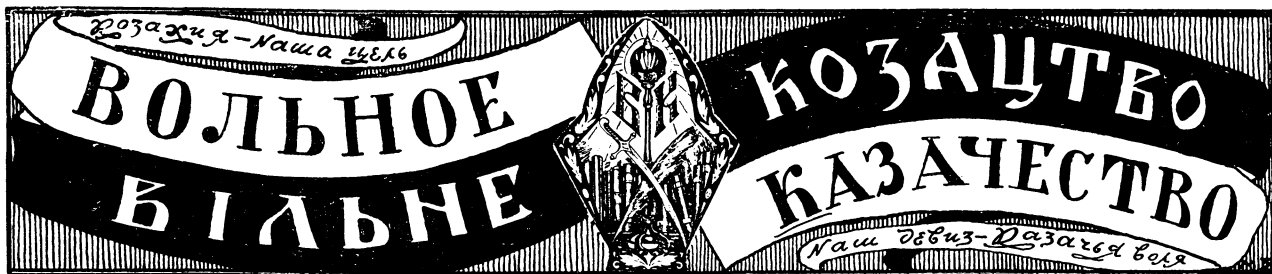
<p>Франция. — И. Ч. — Получено. Спасибо. Привет.
 Варшава. — Б. Ф. — Получено. Привет.
 Германия. — А. Т. — Ответ будет. Привет.
 Детройт. — А. Н. — Получено. Спасибо. Привет.
 Банат. — Г. А. — Журнал Ш. посылается.
 Привет.
 Клевелянд. — А. А. — Ответ послан. Привет.
 Франция. — И. К. — Добре. Вітаємо.
 Пирей. — В. — „Второй“ получен. Спасибо.
 Привет.
 Болгария. — В. Р. — Фотографии получены.
 Ответ — письмом. Привет.
 Бела-Црква. — Я. Г. — Журнал Вам посылается.
 Франция. — Ю. К. — Получено. Привет.
 Сев. Америка. — Ал. Б-ко. — Получено. Спасибо. Привет.
 Дальний Восток. — И. К. — Получено. Привет.
 Подкарп. Русь. — В. К. — Будет помещено в след. номере. Привет.</p> | <p>Злин. — В. О. — Получено. Привет.
 Брно. — Н. Ш. — За отказ от гонорара — большое спасибо. Привет.
 Нью-Йорк. — М. Г. — Получено. Спасибо. Привет.
 Перу. — М. У. — Пошлем все, что можно будет. Привет.
 Польша. — С. Л. — Получено. Привет.
 Харбин. — П. К. — Получено. Привет.
 Румыния. — А. Б. — Получено. Привет.
 Югославия. — И. Н. — Получено, к сожалению, поздно. Ответ — письмом. Привет.
 Франция. — П. П. — Тем, кто действительно не может платить, мы высылаем журнал бесплатно, но тем, кто платить может, платить следовало бы. Привет.
 Париж. — И. С. — Получено. Большое спасибо. Привет.
 Нью-Йорк. — М. Ч. — Получено. Ответ — письмом. Привет.</p> |
|---|--|

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

- В Ч. С. Р.:
- В БРНО: Виктор Карпушкин.
 В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.
- В ЮГОСЛАВИИ:
- А. А. Гейман. Заечар.
 Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
 А. Чекин. Крагуевац.
 П. Апостолов. Скопье.
- В РУМЫНИИ:
- В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.
- НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:
- П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).
- В ПОЛЬШЕ:
- Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.
 Вл. Еремеев. W. P. Wl. Jeremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.
 С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.
- В БРАЗИЛИИ:
- С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

- В О ФРАНЦИИ:
- Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).
 M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).
 Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).
 Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.
 С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
 И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.
- В БОЛГАРИИ:
- П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.
 Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи - Димитров, 3.
 Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.
 Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.
- В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:
- Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.
- В СЕВ. АМЕРИКЕ:
- А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochova, 130. Tchecoslovaquie.

№ 75

Среда, 25 февраля, 1931 — Среда, 25 лютого, 1931.

№ 75

Петр Закрепа. (Швейцария).

ПРОСТИ...

Мой край родной, прости, прости!
Ночь добрая тебе!

Байрон.

У мола пеной бьет волна,
И плещет у борта,
И в тихом зареве видна
Родимая страна;
И перегуды смолкших битв,
И сердцу — тяжкий след...
Прости!.. Огонь моих молитв —

Последний мой привет!..
Прости!.. Больна моя душа..
Что ждет в стране чужой?
Быть может, в ней останусь я
Навек с своей тоской!
И на простор иных полей
Я врежу трудный путь...
Прости!.. В тревоге новых дней
Не отдыхает грудь...
Прости!.. За гранью темь и мгла,
За гранью кроет ночь...
У мола пеной бьет волна —
Меня уносит прочь.

В. П. Елисеев (В. Петров).

О родном.

„И дым отчества
Мне сладок и приятен“...

Горит от усталости и холода онемевшее тело. В костях ломота, а в ушах — как мыла кто набил — шум. От всегдашних ли гудящих моторов или от слабости? Или и от того и от другого? Как и всегда, после работы, рад месту, потому и валюсь скорее на кровать — успокоиться, отдохнуть, забыться. Но где ж там?.. Забудешься, что-ль?.. А если как и забудешься, закрыв сладко глаза, так во сне все равно будешь думать и все видеть. И все так явственно, все так сладко и приятно...

И знаешь, ведь, что это все тебе снится; что это — не на самом деле; что ты в Румынии, а не дома, а все ж тебе просыпаться не хочется — лучше приятный сон, чем тяжелая явь. Жаль только, что после сладкой неги всегда приходится убегать из родного дома. Всегда перед тем, как проснуться, появляются какие-то страшные, сердитые, незнакомые люди. Сразу видно, что злые люди. Сразу догадываешься, что появление этих людей не предвещает ничего хорошего, а потому, что есть мочи, начинаешь от них уходить. Из дома, опять в Румынию. Знаешь, что не мед в Румынии, но лучше Румыния, чем злые люди, с поднятыми на тебя ружьями. Выстроились в шеренгу и целятся в тебя... Благо, что не то осечка получилась, не то загляделись, а ты сам от них в это время пулею. Палат в след, бывает, что и кровь с тебя полетит — ранят (на смерть никогда не убивают). Тут как раз или сосед тебя растолкает или сам в страхе проснешься. О доме соболезуешь, а страшный конец сна, крестясь, проклинаясь...

О чем, бишь, я заговорил? О снах?.. Спросите — почему, зачем? И сам не знаю. А, может быть, потому, что так все переменялось, перепуталось, что и не разберешься, где сон, а где действительность — явь... Или живешь, или все время во сне находишься — спишь...

Рад месту и валюсь на кровать. Хуторская „маслина“, о которой думал весь день на работе, снова расплела передо мною свой бесконечный клубок мыслей, полных незабываемого родного прошлого...

Утро. Шкварчат блины и „латки“. Приятный их запах вкусно щекочет ноздри. То мать и жены братьев, суется спозаранку у печи, уже спешат со своим завтраком.

— Не довольно ли, девки? — спрашивает мать невесток. — Смотрите, какую гору мы их навалили-то, как на именины.

— Еще немного добавим, мамаша, — отзывается старшая невестка, жена брата Петра. — Для нас-то хватит, но, может, кто случится.

— Ну, тогда валяйте, — снисходительно соглашается мать.

И опять вкусно зашкварчело в „теплушке“...

На конюшне и сараях снег. В белом, пушистом серебре стоят и мохнатые деревья сада. Стоят они, омертвевшие, не шелохаясь. Только с одной молоденькой груши и посыпался белый пушок на землю. Нужно же было откуда-то взявшейся черной галке усестись на нее, слабую, чтобы, каркнув звонко на весь тихий двор, сняться и улететь дальше...

— На дворе, видно, морозец. Светлые лучи солнца, пробираясь через оттаивающие стекла „комнатки“, смешиваются с расплывавшимся по курену синеватым

дымком — „чадом“. И, от „чада“ ли, или от игравшего по „комнатке“ теплого солнца, но вставать не хочется...

— Антоша? А, Антоша? Не пора ли тебе вставать? откликается, слышу, ласково мать. — Кукуевские то уж давно прошли. Да и наших тоже не видать. Опоздаешь — будешь „без обеда“. И, подойдя ближе, нежно добавляет: Вставай, сыночек, вставай, родненький. Нынче сходишь, а завтра уж не пойдешь — распустият. Вставай, и покличь отца и ребят завтракать.

Тут у самого из головы не выходит распуск, а тут еще мать подбила и сон — как рукой снимает. Вскакиваю и живо одеваюсь. На ходу подпоясываясь, опрометью вылетаю на крыльцо.

— Папаша-а-а! Папаша!

— А-а-а? — отзывается, чуть слышно, отец из полownika.

— Идите, „латки“ исты! Да скорей!

Скоро появляется отец, а за ним и „ребята“ — старшие братья: Иван и Константин.

— Ну, как, Антон? — обращается ко мне, садясь за стол, отец. — Выучил „подлежащие“ и „сказуемые“?

— Выучил, — отвечаю.

— Учись, добавляет он. В окружное отвезем. Человеком будешь. Будешь, как Степашкин, в проходку ходить. Только, когда выучишься, научишь нас, как клины вычислять. А то мы в этих клинах то как то плохо разобрались. А ученым то они — пустяки, черкнул раза два карандашом и вычисление все произвел...

В школе не до учения. Все толкуют о тесно связанных с масленицей скачках и драках.

— Ну, да ничего, — горячится Гардюшка Глазу-ненко. — Вот распустият, тогда увидим, кто кого обгонит.

— А я обязательно поеду в Пелипов, — хвастается Ванька Богданенко. — Посмотрю этого станичного бойца, немого Шкадина. Знаете, его никто не побивает. Здоровый, а кулаки, как махотки. Только, говорят, тогда его можно сбить с ног, когда попадут ему в голову. Но это редко бывает. Дюжа он большой.

Мест, где будут на масленице скачки и драки, много, а потому не знаешь, куда и ехать.

Сначала хутор вместе с соседними хуторами дерется против станицы — „городских“. Потом сам дерется против этих хуторов и, наконец, дерется сам с собой — „край“ на „край“. „Смотрите, „краинец“ пришел“, говорят ребята, когда увидят у себя „выростка“ „того края“, явившегося к нам, на „наш край“ на „улицу“. „Надо отгучить его. Ишь, запахло ему тут“... И зачастую с „краинцем“ бывает нездорово...

Занятия, как и заметно было, идут вяло. Начто строгий и всегда аккуратный к занятиям учитель Михаил Максимович, но и тот сегодня не расположен к учению, и после двух, с большими переменами уроков, мы рассыпаемся шумно по домам, — не приходиться в школу до поста!

— Мамаша, спрашиваю, вбегая в курень, на каком же коне я поеду на скачку?

— Ах, Боже мой! И выдумает же, что спросить? удивляется мать. — На каком коне он поедет! Да ты сначала спроси — поедешь ли ты еще или нет?

— Ну, а как же? удивляюсь в свою очередь.

— Что ж ты хочешь убиться, что-ль? пытается мать.

— А я чтобы целый век по тебе плакалась?

— Я? убиться? — обижаюсь. — А как быков по загонам все лето заворачивал? Не убился же.

— Ну, не знаю. Говори с отцом об этом, уклончиво сдастся мать, будучи побита основательными доводами.

Скакать и смотреть драку условились еще в школе. В четверг поеду к Дадужиной мельнице. Будут драться хутора против станицы. Там же, может, удастся посмотреть и немого Шкадина, известного на всю станицу бойца.

Длинные дни до четверга. Особенно вторник. В среду, правда, отец дает коня. Не скакать, а „проездить“. Наденет с „набором“ уздечку поверх недоуздки, с красной или синей петлей через шею коня (как у казаков „отходящего года“), укоротит стремяна, вы-

пустит чумбур. Ну, конечно, поможет сесть, а потом уж и передаст повод.

Раз-два, конь рванув удилами, как бы пробуя ловкость седока, взвывает гопки, но, приготовленной уже заранее плетью, сразу же стараешься показать ему твой авторитет. Рванув в последний раз удилами, конь, танцую, выходит из двора.

— Смотри, Антон, не упади! — кричит вслед отец.

— Когда будешь падать, хватайся, Антон, за землю, иронизирует сосед, дядя Сафрон.

Конь, как бы понимая все значение поездки, идет, ловко неся кольцом красивую шею и по временам пошаливая, что тебе даже очень нравится. Чувствую, что весь хутор смотрит и завидует мне.

— Да, чей это служивый? — всматривается в меня, прислонив руку к голове, как бы защищаясь от солнца, ветеран турецкой войны, дед Карша. — Ай-да, молодец. Сразу видно урядника.

— Не задавайся, Антон, — сердятся забежавшие наперед школьники. — Чего ты ему голову-то дерешь да подскиливаешь? Завтра узнаем, чья добрей.

От подскочивших под ноги коня Абрамовых собак конь шарахается в сторону и, расфыркавшись, несет меня через всю широкую церковную площадь. Только возле лавок с трудом удается перевести его в шаг.

— Смирно! — командует гвардейский урядник, школьный инструктор.

Из лавки удивленно выскакивают десятка два казаков. Сначала теряешься, а потом, набравшись смелости и лихо отдавая честь, находишься: „Вольно!“

— Молодец, Антон, хвалит вслед инструктор.

— Рад стараться, г. урядник!

Крыльцо лавки оглашается веселым смехом казаков...

— Не убился? — встречает отец у двора.

— Нет, живой.

— Ну, тогда можешь ехать в Пелипов...

Хорошо бы было, — думаю, ложась спать, — если бы ночью морозило. А то чего доброго, кто знает. Может еще и придется нахватать „галок“...

Проснувшись чуть свет, слышу конский топот и треск нетолстого льда.

— Рано поднялся — отзывается возившаяся у печки мать. Еще и завтрак не готов.

Эх, если бы она знала, как мне нужен ее завтрак, подумал я, когда опять проскакала с гиком кавалькада... Долго таки, должно быть, стряпался завтрак и долго, должно быть, он продолжался, ибо я уже в полном отчаянии. Наконец, отец встает из-за стола, а я, потерпевший терпение, опрометью бросаю на двор в конюшню.

Оседлал. Сел и готов сразу затопить в карьер, но отец и тут не промнет тебя задержат.

— Постой. Не спеши — останавливает он тебя безбожно. — Грязь будет. Надо хвост подвязать.

Пытает, прямо. Но, когда уже и хвост подвязан, тогда ничего не может тебя удержать. Толчок — и за двором, другой — и на „выгоне“...

До Дадужиной мельницы недалеко. Но, мы, все же, решаем „попробовать“ с места. Выстраиваемся в ряд на кургане и по условному знаку пускаем коней. Как вихрь, схватываются кони, играючи неся седоков. Дыхание не то замедляется, не то вовсе замирает. Покрепче прижимаешься к седлу. Или скачешь, или летишь — сам не знаешь. Захлебывается детская грудь резким, здоровым, утренним воздухом; сердце сгорает в нервном огне, больно свернувшись в клубок. Не бьется, а, запрятавшись куда-то глубоко, колотится с переборами...

Позади уже не верста и не две. Паруют разгорячившиеся кони, рассыпая по ровному шляху кучерявые клубы пара. Отстающих, видно, еще нет. Но Ваньке Богданенку, становится, заметно, не в терпез. Хлестнув коня и окинув всех задорно — гордым взглядом, как бы говорящим: „ну, поскакали немного вместе и довольно, а теперь можно вам и раскланяться“, он быстро выходит наперед. Дерзость Ванькина сердит всех. Да и поняли, что наступил решительный момент пробы — „чья добрей“ — толкать нужно всем...

Летишь. Слеза заволакивает глаза. Быстро. Слишком быстро...

— Вынеси же, родной — молло, впившись в вытянутую шею и прищурив уши коня. А конь и сам, как человек. Тоже волнуется и тоже понимает. Вытянув еще длиннее шею и прищурив еще ниже уши и, как бы сжавшись, как кошка, приготовившаяся броситься на выслеженную ею мышь, он сразу значительно выходит вперед, нагнав даже Ваньку. Ванька, уперший жадно глаза в условный мост, только чуть поворачивает в твою сторону голову. У, что за ненависть в его глазах!..

Много отстало, но мост уже недалек. Берем все на плетъ. Кричим, ругаемся, просим коней. Забыто все. Один только мост существует на свете. Кто первый вскочит на него? Кто этот гордец? «Боже! Миг и будешь счастлив. Ведь этим мостом ты бредил всю ночь...

После едем спокойно, подсмеиваясь над забрызганными грязью отставшими. Сердятся — не дай Бог. Вот и Гребля. А после нее ровный луг забитый народом. Станичные — „городские“ подальше, а до своих уже доехали. „Выростки“ и казаки все с лошадьми. Одни верхом, другие проваживают коней. Нагрудники в мыле, а от коней несет потом и дымится пар.

Поодаль от каждого лагеря — разряженные в „саки“ девки и молодые бабы. Последние отказались и от „бабьей каши“ — предпочли ее драке.

Откуда ни возьмись два „выростка“! Пустили во весь дух своих коней и прямо несутся на сбившихся в кучу девок и баб. Толпа с визгом и криком расступается. „Выростки“, довольные шуткой, подсакав, смеются...

Казаки все подъезжают, а бабы и девки подходят. Луг стонет от гула, крика, смеха и визга.

В каждом лагере ревут гармонии. Танцуют. Отчаянно танцуют.

Один „выросток“, летая на коне, делает на нем под гармонию „ножницы“. Другой, извиваясь в „казачке“, ходит на коне в присядку.

А у „городских“ — достают земли на полном намете; схватывают с земли серебряный полтинник, гордо его всем показывая или вихрем несутся по лугу, стоя на крупе коня. Целый взвод, схватившись с места, через секунду уже не виден, а через другую уже на бугре — в „лаве“...

„Выростки“ и „малолетки“ — в шюртках темно-серого сукна. Рукава и воротники окаймлены красным кантом. Пришедшие со службы — „полковцы“ („сломавшие службу“) — в своих форменных новых мундирах с урядничьими „гайками“ и светящимися позументами. Нередки гвардейские и артиллерийские фуражки. Почти на всех горят лакированные сапоги, забрызганные грязью.

Не осятятся, конечно, вода и без стариков. Два белых бородача, останавливаясь, разглаживая важно раскладистые бороды, удивляются, что до сих пор еще не начинали.

— Все беситесь, а пора бы уж, заявляют они нетерпеливо.

— Старье, а как интересуются...

— А, Шкада, не видали, приехал? — спрашивает из них один, вытаскивая бережно кiset из-за пазухи.

— Нямтырь то этот?

— А вот, дедушка, узнаешь, когда нажмет, подсмеивает гарцующий на коне „выросток“.

Дед сердито косится на насмешника.

Наконец, подехали и долгожданные Никандра и Николай. Никандр Кострюков и Николай Фролов — красивые и рослые гвардейцы. Подъехав, они, молча, передают коней скакунам нашего возраста и важно направляют к казакам. Казаки, снимая фуражки, почтительно их приветствуют...

Должно быть, и время, как раз, подошло, потому что не успел дед докурить своей цыгарки, как песни, танцы и джигитовка — все, как по мановению волшебной палочки, сразу притихло, прекратилось. Девки и „молодашки“ поспешно отходят в сторону. Наши себе, а „городские“ себе сбиваются в круги. Таких, как ты и Ванька Богданенок, — дело коноводческое...

Драку начинают „выростки“. Вот такие, как Мишаев Никит, который, приняв начальство над своей группой смело подводит ее к „городским“.

— Смотри, Никита, не подгадь, бросает вслед уже заволнованный дед.

— Начинаем! кричит Никита. Любого на зачин!

Из группы „городских“ смело выделяется породный парняга. Поплывывая в кулаки, зачинщики сходятся. Луг замирает. Миг и оба без фуражек. Только тяжелые кулаки гудят по лугу. Никита стоит, но „городской“, пошатнувшись, валится. Дерется молодежь, а старшие, не отставая, тесной стеной давят на дерущихся. — Куда, женатый, кинулся? кричат наши. А, женатые пошли...

И дерущаяся молодежь увеличивается „молодоженами“.

Упорно стоят „городские“. Как укупанные. Никак не поддаются назад. Деды с белыми бородами орут — „стравливают“, что есть мочи, но это не помогает, — не могут сломить упорство „городских“.

— Кидайся, Иван Петрович, посылает дядя Никандра. Что это они так укоренились.

Иван Петрович, в августе только пришедший из полка урядник, блестнув серебряными позументами мундира, ловко и скоро сбивает двух-трех упорных станичных „молодоженов“, и „городские“, смешавшись, будто пятацы назад, но только на один миг, ибо выдвигавшиеся вперед десятка два „полковцов“ сразу же поправляют дело...

Горит горячий бой между „полковцами“. Дружно стоят наши. Морозята и Глазунята, хотя и невидные ростом, но ловкие и искусные казаки в драке. Но станичные не то еще искусней, не то их больше, только, заметно, не устоять нашим. Охрипли уже белые бороды, крича „стой, стой“, но не устояли, когда не под силу. Отчаяние везде, даже среди нас, коноводов. Ванька Богданенок, прямо, готов разинуться от злости и сгыда... Но, миг, и противная сторона валится.

— Дядя Никандра и дядя Николай кинулись, захлебываясь от восторга, кричит он.

Растерялись „городские“, будучи сломлены кулаками Никандра и Николая. Никак не могут задержаться. И станут, будто бы, но нет, не берет. Уже пора — „на уходы“.

— Потопим! кричат, ободренные очевидным успехом, наши.

И, в самом деле, могут потопить. Широкий и глубокий ерек недалеко. Нагонят, не выдержит слабый лед, провалится.

Ванька Богданенок от радости места в седле не найдет...

— Но, что случилось?.. Дядя Никандра, взмахнув руками, упал, как пласт, на землю, а все казаки, испуганно шарахнувшись в сторону, стремглав отскочили назад. Да и не только, что отскочили, а бегут, бегут назад. Уходят. Бедное сердце! Как же тебе больно...

— В чем дело, дедушка? — спрашиваю запыхавшегося от беготни дед.

— Да черт немой откуда то выскочил. Два раза нагнал. Спасибо, не рубанул. Убил бы, окаянный нямтырь...

Рысью катятся по луговому шляху дроги.

— Иван Герасимович, Иван Герасимович! взмолившись, бежит к дрогам дед. Остановись, пожалуйста. Помоги, родной.

Иван Герасимович, переведя лошадей в шаг, приостанавливается.

— Да, откуда тебя Бог принес, радуется дед, подбегая к дрогам.

— От тестя еду. В гостях был, отзывается Иван Герасимович.

— Ну, помоги же, родной. Слезь, на минуточку, просит дед. Подсоби. А то окоянный нямтырь всех позажет. Видишь, наши останавливаются — берутся за силу. Помоги же, будь добр.

Иван Герасимович что-то говорит сидящей в задке дрог жене. Потом, остановив лошадей, передает ей возжи. Та, нехотя, но берет. — Оставь, шубу то, кричит она мужу вслед.

Долго длится затеянный снова бой. Все в деле, кроме нас, коноводов. Уже вечереет, холодно и есть хочется, а коней все не разбирают.

То наши загонят „городских“ в озеро, то „городские“ наших — в Сал.

Начто жена Ивана Герасимовича и удобно сидит в задке дрог и тепло одета, но и та давно уже нервничает, всматриваясь туда, откуда лишь доносится глухой гам. Конечно, давно бы была дома, если бы не случайность такая...

Луг угомонился только лишь тогда, когда над ним нависли темные и холодные сумерки февральской ночи. И тогда только предстал перед нами уставший и измученный дед, с полушубком в грязи и скривившейся, как-то жалостно на бок, своей белой бородой.

— Ну, а „мой“ где? спрашивает потерявшая терпение жена Ивана Герасимовича. Уж не ухлопали ли его там?

— Придет, Денисовна, успокаивает ее дед.

— Это все ты, Савельич, старый греховодник. Мы бы теперь уже дома были.

— Прости, Денисовна. Нельзя. Надо же было подержать своих. Больше ждала, сейчас придет.

Вместе со всеми является и Иван Герасимович. Лицо в крови, нос, как бы, не на месте. Взяв у нас шубу, виновато подходит к дрогам.

— Ах, ты, лихоманка, накидывается на него жена. Постыдился бы детей да пожалел худобу. Смотри, как кони бедные перепались-то. А ты, бесстыдник, делом занимаешься. Да ишо и нос свернули?

— Каго там свернул? оправдывается Иван Герасимович. Сам ударился...

— Ух, страмотник. Садись да утрись лучше, а то по хутору стыдно будет с тобой ехать...

Все наскоро разбирают коней, громко и хвастливо переговариваясь. Ни один не говорит, что его били. Каждый убеждает, что он бил.

— Видал, как я того длинного хохла потянул?

— А ты видал, как я ссадил Авилова гардейца?

— А молодец, все-таки, Иван Герасимович. Разок приложился к Немой голове.

— Ну, и немой не остался в долгу, смеется молодой урядник, сколол носос парню...

Обратно — опять „чья добрей“. Тут уж и коня не нужно понуждать — сам рвется. Крепче только держись...

— Остались вареники, мамаша? — спрашиваю, вбегая в курень.

— Остались, да надо подогреть.

— Давайте. Пойдут и холодные.

Мать нежно улыбается...

... Затряслась моя маленькая, убогая комнатка и зазвенела на печке пустая кострюлька. Быстро проскочивший курьерский, богато освещенный поезд оборвал мой не то сон, не то мечту...

Чужбина... Неслытые, скучные, зарубежные дни. Ни маслениц, ни скачек, ни драк. Дни нравственных и физических страданий...

Как тут не вспомнить и не полелеять воспоминаний о Тебе, мой милый Родимый Край! И, вспомнив, как не заболит душа и не зешемит по Тебе истосковавшееся, больное сердце изгнанника!

Ведь я, Тебя оставивший, связан с Тобой неразрывно, крепко и навсегда. Ведь тут только мое изнашивающееся тело, а любящая моя душа вся Там, с Тобой. Каждый пришедший в голову твой кустик, каждая твоя тропинка, каждое родное мне лицо зажигает сразу мою память и горячо воспаляет живую, никогда не угасающую по Тебе мою Мечту...

Что может заменить мне Тот Край, где я помню себя беззаботным отроком, бесшабашным юношей и молодым Его казаком?

Что может сравняться в мире с красивой, вольной и родной мне Казачьей Жизнью?!

15-1-1931. Клуж.

Гнат Макуха.
(Югославия).

НА ЧУЖИНІ.

Такі ж і хати — та не рідні;
Такі ж і люди — не свої;
Й думки, — о, Боже, — мої бідні
Мені здаються вже чужі.

І сонце сходе із-за моря,
Така ж самісінько роса,
Й квітки червоні серед поля,
А поле криє — та ж трава;

І жайворінко в небі б'ється,
І чайка скигле десь — киги!
І дівка хлопцеві сміється,
Й гелгочуть гуси близь саги;

Шумить діброва, як і треба,
І вітер листя підміта;
Орел — он видно — серед неба,
Мов шапка чорная, літа...

Усе... усе — як в ріднім краї:
Річки, лани, степи, вода...
І тут — як там (мов в Божім раї)
На землю місяц позира.

І все є навкруги чудове!
Живеш, здається, як і всі, —
Але ж, нудьга на серці як промове, —
Чогось ще не хвата мені.

Чого ж? Чого? — себе питаю,
Як ніч та темна упаде.
Чого більш в світі я шукаю
Й чого з грудей той сум не йде?

І сам собі відповідаю
(Бо більше нікого питатать):
З козацтвом рідним я бажаю
Свого я віку доживать.

О, милий краю, тихий світе —
Кубань нещасная моя,
Чим прогнівила Бога, квіте?
Чим прогнівив Його і я?

Малим хлоп'ятком я навчився
Тебе, як неньо, шанувать;
В твої степи, лани влюбився,
Навчивсь пісні твої співать.

І тут, далеко на чужині,
В ночі, як мирно люди сплять,
Від тебе вигнаній дитині
Тебе бажається згадать.

І хоч в думках лани побачеш,
В степу техенько посидиш,
Пісні співаєш — гірко плачеш...
— Жива ти, неньо? закричиш...

І як би вчув я, що ти вільна,
Що сльози згинули навк,
Набрався б сили, моя рідна,
Й на крилах полетів би втіх...

Антонина Козлова.

(Скопље).

ВОЛЬНОМУ ЯИКУ.

Быть может судьба даст возможность нам снова
Увидеть течение Яика родного.
Хотя бы то был и последний наш час,
Но все же хотелось взглянуть бы на вас, —
На вас, дорогие привольные степи,
На лес, на луга, на родные нам реки;
Взглянуть на курганы широких степей,
Хранителей древних казачьих идей;
Крутые обрывы Яика седого,
Отца и кормильца козацтва родного.
Яик, наш кормилец, иль ты изменил
Сынам своим верным? Уже-ль их забыл? —
Их мало осталось в чужбине далекой,
Белеют их кости в пустыне широкой,

А души парят над твоими волнами,
Безмолвно им шепчут своими устами:
Яик, наш кормилец, иль ты уж не с нами?
Уже-ль ты не видел — мы бились с врагами,
Казачья рука ведь тебя защищала,
Пощады врагу наша сабля не знала...
Два года с врагом ненавистным мы бились,
Пред силой людской казаки не склонились...
И темные силы стихии знать были
В союзе с врагами, но нас не сломили.
Врагу и стихии проклятие слали
И гордо за всю в степи умирали...
Но вольный казак не склонит своей выи ---
Мы были и вечно враги будем с ними.
Остатки же верных бойцов с Атаманом,
Месть в сердце храня, за большим океаном
Тебя вспоминают, Яик наш родной,
Тебе посылают поклон свой земной.

И. М. Назаров. (Югославия).

НА СМЕРТЬ ДОНСКОГО АТАМАНА А. М. НАЗАРОВА.

Был двенадцатый день февраля.
Беспросветная тьма по над Доном,
Будто саван, легла, — то Донская Земля
Одевала наряд к похоронам.
Пали в этот смертельно-злопамятный день
Партизанских окопов твердыни —
Отступали донцы, а за ними, как тень,
Надвигались холопские силы.
Красной жути отряды, как раки, ползли
Из бездонной, как будто бы, чаши.
На Черкасск два полка „под оркестры“ пришли,
Два полка — из изменников наших...
Как на помин, в палатах большого дворца,
В заседание Круг собирався.
Атаман объявил: „Долг несу до конца!“ —
И на смерть на посту он остался.
И — вдруг слышен призыв: „Враг уж занял вокзал,
Мы снимаем посты городские“.
Вышел Он, попрощался и гордо сказал:
„Не бегут атаманы донские“.
И остался в Кругу, где вернее всего
Ему смерти опасность грозила,
И остался в Кругу, хоть и знал что его
Не спасет никакая уж сила...
Вот и трубы изменников звучно гремят,
Слышны выстрелов шалые взлеты.

Распахнулася дверь и, как звери, вошли
В Круг казачий — рабы комиссаров.
Встали все, все избранники вольной Земли,
Будто школьники, вынести страх не могли, —
Лишь не встал Анатолий Назаров...
И глумились над ним, и рвали у него
Атаманский пернач... Но, ни слова
Не промолвил никто...
Февраля восемнадцатый день заалел
Лишь зарей между темных кварталов, —
Через город вели их к тюрьме на расстрел:
Атамана и шесть „генералов“.
Гордо шел он, как в бой, в предрассветной тиши,
Будто в дерзостный бой под Ростовом;
Никому не поведаль терзаний души,
Не обмолвившись жалобным словом.
За отчизну свою, за родимый наш Дон,
За казачью свободу и волю,
Шел он выполнить жизни последний закон,
Чтоб другие за ним умирали, как он,
Все отдав за казацкую долю...
Вот пришли. Стали в ряд. И передним он стал,
И, под гнетом смертельных кошмаров, —
Сволочь! Пли! — Он командовал твердо и пал...
Так погиб Анатолий Назаров.
Пал избранник под пулями, дико сражен,
Завещая на век меж донцами:
Коль сумеем мы так умирать, как и Он,
Будет Дон наш, Родимый, за нами.

Ответы — вопросы.

„В. К.“ усвоило привычку не начинать полемике со всеми теми группами и лицами, которые его не понимают или не хотят понять. Вольные казаки в своем журнале высказываются совершенно ясно и недвусмысленно относительно своей политической программы и целей казачьей освободительной борьбы. Казалось бы, что, вследствие этого, и ударов по В. К. можно было ожидать лишь со стороны тех русских по-

литических группировок, которые и до сих пор омрачены еще „величием российского империализма“ и не в состоянии поэтому понять суть совершающегося исторического процесса нашего времени, слепы все еще на очевидные факты национального движения на востоке Европы и глухи к живым и могучим лозунгам освобождения возрождающихся народов. Словом, ударов до сего времени Казачество могло ожидать лишь

со стороны врагов его воли — врагов вообще прогресса и свободы. И поскольку такие „удары“ на В. К. сыпались до сего времени действительно со стороны различных неисправимых единомудрецов — чужих и своих, — а к тому же еще были эти удары не более, как удары по воздуху, мы не считали нужным всегда утруждать себя ответами тем, кого, по глубокому казачьему убеждению, лишь могила, как горбатого, исправит, или кого, как говорят, можно убедить лишь „обухом по голове“. Программа В. К., его лозунги и, не по дням, а по часам растущее вольно-казачье движение, были для всех наших противников наилучшим и наиболее действительным ответом.

Но вот, к глубокому нашему сожалению, нам пришлось услышать слова неприязни и с той стороны, откуда мы их вовсе не ожидали — со стороны тех, кого Казачество надеялось считать в числе своих друзей и союзников, — со стороны украинцев. Правда, мы вполне и глубоко уверены в том, что недружелюбные в адрес Казачества выступления некоторых весьма недалековидных политических украинских групп не являются общим мнением украинского общества, что это последнее, пережив, подобно Казачеству, трагедию неосуществленной цели последней освободительной борьбы и сохраняя живое чувство справедливости и свободы, отлично понимает стремления Казачества и готово ему всегда протянуть дружескую руку в борьбе с общим врагом. И только в интересах укрепления этой дружбы и солидарности, мы отвечаем здесь на „вылазки“ тех из наших „оппонентов“ со стороны украинцев, которые, очевидно, нас не поняли (а возможно и не захотели понять). В. К. отвечает и надеется, что голос его услышат как казаки, так и украинцы, и что и те и другие сделают из этого соответствующие выводы.

Конкретно: украинский орган уэнеровцев „Тризуб“ (Париж) в номере от 25 прошлого января приводит несколько выдержек из „Кубанского Края“ № 6, где самые же некоторые „господа кубанские казаки“ не казачьего толка позволяют себе иронически, даже насмешливо относиться и высказываться относительно казачьего государства — Казакии. „Тризуб“ из „Куб. Края“ перепечатал:

„Відомо, що першою умовою нормального життя кожного народу є власна держава. Захочивши і „отдельный народ“ будувати свою державу... Спочатку він націався тільки на Донщину, Кубанщину та Терщину, а потім йому зманулося збільшити територію своєї держави землями Астраханщини, Уральщини та Оренбурщини... Назва держави „отдельного народа“ — „Козакія“... Чому „Козакія“ а не „Городовиція“, коли на зазначеній території городовики складають значну більшість, не пояснено... Поважно ставитись до цих чудернацьких витівок не слід...“ і т. д.

Отвечать специально „Кубанскому Краю“ на его детский и задористый лепет (а тон, а

выражения: „націався“, „зманулося“, „Городовиція“...) В. К. не имеет надобности. Нашим землякам с „Куб. Края“ можно разве мимоходом лишь посоветовать: больше учитесь, больше думайте и будьте более серьезными. Смешки и фиглярство — признак дурного тона и еще чего то...

Мы имеем ввиду ответить „Тризубу“, который, помещая вышеприведенный текст из „Куб. Края“, сопровождает его таким своим замечанием: „журнал („Куб. Край“ — Ред.) дає гостру але справедливу оцінку новітнім заходам оджити їх за кордоном“. „Тризуб“, как видимо, солидарен в оценке стремлений В. К. к собственной государственности с „Куб. Краем“. Не будем все же вдаваться в подробную полемику с „Тризубом“ и поучать его относительно натурального права известного человеческого коллектива на самоопределение, на свободное выявление своей собственной воли и на естественное и логическое стремление зафиксировать это свое самоопределение, самоутверждение воли в наивысшей форме человеческого общежития — в государстве. Не будем здесь спорить и о том, имеет или не имеет такое право и Казачество, т. е. право на свое самоопределение и свое государство. „Тризуб“ может это вывести из понимания своего собственного (украинского) права... Мы хотели бы обратить внимание „Тризуба“ лишь на одну странную особенность в его мышлении: на удивительный, так сказать, параллелизм с русскими единомудрецами. Ведь такую же самую характеристику и оценку Казачества и Казакии и такое же отношение к нам, какие принял с легкой руки „Куб. Кр.“ „Тризуб“ за свои — мы постоянно слышали и еще слышим от русских.

А теперь позволим себе задать „Тризубу“ несколько вопросов, которые может быть помогут ему осознать этот параллелизм с русской единомудреческой мыслью и заставят его, возможно, более серьезно задуматься над казачьим вопросом. Наши вопросы такие:

1. Не было ли со стороны русских таких же нападков на „Украину“, как теперь суждено „Казакии“ узнать и со стороны украинцев?

2. Не была ли русской мысли „Украинская Держава“ так же „дика“, как теперь дика „Тризубу“ „Казацкая Держава“?

3. Не отвергалось ли русскими право украинцев на самоопределение точно так, как, по видимому, отвергает это право теперь „Тризуб“ за казаками?

4. а) Не была ли „Украина“ для русских „интригой“ „врагов России“, а стремление украинцев к государственности — выдумкой „кучки интеллигентов?“ б) убедили ли русские в этом украинцев? в) не стараются ли украинские общественные и политические круги поддерживать, развивать и укреплять идею украинской государственности сейчас здесь „за кордоном?“ — Вот такие же самые явления имеют место теперь и в среде казачества.

Наконец, спрашиваем еще: если „Тризубу“ понятна идея соборности украинских Земель, то почему он не может понять идею соборности казачьих Земель среди казаков? (мимоходом: в данном случае казачье сознание самобытности равносильно украинскому национальному сознанию самобытности; и в том и в другом одинаково собирается в фокус живая коллективная воля к единению и самоутверждению).

Еще: если „Тризуб“ не доволен тем, что Казакия „расширяет свою территорию“ и за счет „Астраханщины, Уральщины и Оренбурщины“, то очевидно ему приятнее было бы видеть эти земли в „соборности с Москвою“?... Так ли? Не считает ли „Тризуб“, что это было бы выгоднее и для Казачества и для... Украины?

Пусть „Тризуб“ над этим всем подумает.

И еще „Тризубу“ надо помнить, что как Украина и до сих пор имеет еще „малороссов“, которые не заинтересованы в собственной державе, так имеет своих „казачьих малороссов“ и Казачество.

Не в меньшей, если не в большей еще степени щеголяя оригинальностью в своем мышлении параллелизмом с империалистическим русокопанием в отношении Казачества и украинские националисты. В своем печатном органе „Розбудова Нации“ за ноябрь—декабрь 1930 г., в статье „Соборність України та її східні кордони“, характеризую казачьи эмигрантские организации, в том числе и „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“, украинские националисты так же, как и „Тризуб“, подчеркнули как свое полное незнакомство с сутью идеи Вольного Казачества, так и непонимание вольно-казачьих освободительных стремлений. Не принимая в расчет характера общего исторического процесса нашего времени (освобождение, возрождение и огосударствление народов на основе их естественных законных прав и исключительно собственной свободной воли), черпая из печальной памяти российского империализма опыт „наступления на иные народы“ и наихудшие традиции матерого российского единоплеменничества, „Розбудова Нации“ с теми же самыми приемами обращается и против Вольного Казачества.

Не будем, как и с „Тризубом“, вступать с „Розб. Нации“ в полемику по существу различных „обвинений“ и „сомнений“ некоторых украинских кругов в адрес Вольного Казачества. Не будем что либо доказывать или в чем либо уверять „Р. Н.“ Вольное Казачество, признавая в решении всех своих государственных, социальных и национальных вопросов лишь примат сознательной, свободной казачьей коллективной воли, ни в каких доказательствах и оправданиях своих стремлений не нуждается. Национальное и государственное бытие мы определяем не только по весьма „спорным“ признакам, как „кровное“ происхождение, язык, „общность культуры“, религии и пр. и пр. (ни один из этих признаков не является исчерпывающим; доказательство — история народов и государств); по вольно-

казачьей мысли, утвержденной на новейших учениях, бытие великих общественных организмов и коллективов определяется больше всего наличием свободной сознательной воли, стремящейся к осуществлению своих высших целей и задач; это наличие воли не только определяет (как единственный исчерпывающий признак) бытие государства, нации и прочих коллективов, но и фактически осуществляет его.

Повторяем, что мы не имеем целью в настоящей статье ввязываться с „Розбуд. Нации“ в теоретические философские, исторические и пр. споры. Считаем это бесполезным. Мы имеем в виду обратить внимание украинцев из „Розбуд. Нации“ на ряд тех существенных, животрепещущих, конкретных вопросов, от правильного понимания и разрешения которых зависит благополучие и успех двух братских угнетенных и борющихся за свое освобождение народов — украинского и казачьего. Мы настойчиво требуем от „Р. Н.“ того же, чего и от „Тризуба“ — понять нас, казаков, и наши освободительные стремления так же точно, как мы понимаем в этом отношении украинцев. И еще хотели бы, чтобы украинская политика в казачьем вопросе была немножко о лучшей, чем была и есть по отношению к Казачеству политика русская.

Желая, чтобы „Розб. Нац.“ глубже продумала казачье движение и казачий вопрос и ясно осознала свой „параллелизм мышления“ с несколько не заслуживающим „соревнования“ российским единоплеменничеством, мы предлагаем и украинцам из „Розб. Нации“ ряд вопросов в ответ на некоторые, выдвинутые ими утверждения; эти вопросы будут одновременно и нашим им ответом.

Говоря о вольно-казачьей идее, „Р. Н.“ отмечает, что эту идею между украинскими кругами начали пропагандировать т. наз. уенеровцы, и буквально дальше так: „Не трудно догадаться, звідки ця ідея вийшла й кому залежить на тому, щоб Україна була обкраденою державою й не мала б доступу до Каспійського моря, а тим самим була б економічно підірваною з усіма дальшими наслідками того“... Оставляем без ответа несерьезные намеки и кивки в сторону „кого то“, кому нужно существование и реализация казачьей идеи. Такой прием считаем просто недостатком у „Р. Н.“ каких либо более веских аргументов против В. К. Мимоходом лишь укажем, что это — излюбленный прием и русских наших противников, обманывающих себя тоже какими то „намеками“, знанием какого то „секрета“, какого то „врага“ и т. д. Украинцы должны были бы хорошо это знать из подобных намеков русских по отношению к ним, из историй со всеми этими „австрийскими интригами“, „немецкими деньгами“ и проч. Но, позволим себе спросить:

Украине необходим доступ к Каспийскому морю ради ее жизненных интересов, и ради этого, ради того, чтобы Украина не была „обкраденою державою“, проповедуется наступление на Казачество, которое стоит между Украиной и Каспийским морем? Да? — Пусть „Роз. Нац.“

припомнит и сравнит: не покажется ли ей ее „гениальная“ империалистическая выдумка чистейшей копией с империализма российской марки? Не так ли и русские, начиная с Петра I, кричали на Украину про необходимость для России доступа к Черному морю? И не этим ли оправдывали свои насилия над Украиной? И не это ли самое слышат украинцы от русской шовинистической эмиграции еще и сейчас?

А „обкрайность державы?..“ Послушайте всяких Керенских, Милюковых, Мякотинных... кто из них признает „окраинам“ право на государственное бытие? Кто из них не лелеет империалистической мысли о соединении всех земель бывш. Р. Империи в новую тюрьму народов? Кто из них согласен на „обкрайну“ Россию? Удивительная „привычка“ мыслить заскоружлыми формулами, созданными еще мозгами старого петровского времени, упорно не обращая внимания на дух нового времени, на утверждение и торжество новых идеалов, новых принципов, новой жизни! Так, как будто со времен Петра ничего и не изменилось... не падают „великие державы“, не освобождаются нации, не создаются новые государства, не освобождается человечество...

Что „тверда“ в своей инерции русская мысль, что касается национального вопроса, не удивительно; это и называется русским „единицеделением“, неспособным к прогрессу, к „равнению по современности“. Но удивителен казакам „параллелизм“ мысли некоторых украинских кругов. Ведь по сути это та же мысль русского империализма, только на украинском языке... Впрочем, одна разница: не кажется ли „Р. Нац.“, что ее империализм по сравнению с русским „фактически“ оказывается смешным? Своевременно ли говорить уже об „окраинах“, когда нет еще „центра“? Не смешно ли говорить о „доступе“ к Каспию, когда не утверждена еще и та точка, откуда такой доступ мог бы начинаться? Не смешно ли, не имея еще собственной державы, собственной хаты, готовить уже вторжение в чужую хату? И все это лишь на том основании, что Украине уже „необходимо“ Каспий (как России Черное море?). Как будто не существует государств без морей? Как будто нет другого способа доступа к морю, а остается единственный старый варварский: насилием через чужую землю, чужой народ? Не смешно ли, будучи самими в неволе, мечтать уже о покорении других? И, главное, — выгодно ли это для самой Украины? Пробираясь уже наперед к Каспию, не рискует ли Украина не получить никогда и Киева?

Вот над чем надо подумать „Роз. Нац.“ и ответить себе на наиглавнейший вопрос: выгодно ли будет для Украины ссориться с иными народами, стремящимися так же, как и она, к освобождению? Не подрывается ли этим общий успех борющихся?

И еще короткие вопросы дальше. Признавая (будто) самостоятельность Дона и Кубани и подчеркивая prerogatives Кубанской Рады и

Донского Круга, как наивысших государственных суверенных учреждений „над волей которых нет никакой иной высшей воли“, „Розбудова Нации“, удивляется дальше желанию Казачества соединиться государственно в Казакии, как будто бы это было нарушением Кубанской и Донской воли, что будто бы Казакия поглотила бы в себе эти воли, а дальше „Р. Н.“ распинается за то, что Кубань должна бы быть в государственном соединении с Украиной. Спрашиваем: в каком случае воля Кубани была бы более поглощена — в Казакии (государственный союз равных членов — соединение равных волей) или в государственном подчинении Кубани Киевскому центру при автономии или федерации, все равно? Чья воля повисла бы над Кубанью — воля Казакии (та же воля Кубани, равная волям иных Казачеств) или воля Украины? Где логика? Наконец, еще спрашиваем, не удобнее ли было бы „Р. Н.“ оставить решение этого вопроса самой Кубани, с кем входить в союз и какой? Не сама ли Кубань сознает свой интерес лучше, чем „Розб. Нации?“ И не странно ли, что „Розб. Нац.“ старается наперед уже опекать украинский элемент и следить за национальной украинской культурой кубанцев, — вещей, ценных и для самих кубанцев, и которых никто и не собирается уничтожать?

Еще: неужели „Розб. Нац.“ серьезно считает, что Кубань есть украинской территории лишь потому, что на ней живут потомки запорожцев? А как же быть с линейцами, черкесами и другими народами, которые заселили часть теперешней кубанской территории ранее Черноморцев?

И еще: говоря о том, что „В. К.“ создало „где то в Праге“ за год казачью нацию, не припоминает ли это „Розбудова Нации“, разговорчиков“ разных русских Керенских о том, что украинское движение создано кучкой интеллигентов за границей, что все это не имеет корней в народе? Представляет ли себе „Р. Н.“ розмах вольно-казачьего движения? Если нет, то как имеет смелость она об этом говорить?

О „соборности казачьих земель“ мы уже ответили „Тризубу“. Пусть это примет во внимание и „Розб. Нац.“ Советуем лишь при этом — более подробно и внимательно ознакомиться со статистикой казачьих земель...

„Розб. Нац.“ советует украинцам не связываться в борьбе за свободу с донцами — будто бы потому, что доицы — сомнительный в отношении верности союзник, что они всегда в прошлом были преданы России и что всегда помогали русским угнетать украинцев; при этих, таких блестящих экскурсиях в историю, „Р. Нац.“ не преминула случая напомнить, что Запорожскую Сич помогали уничтожать 13 донских полков и т. п. Вместо ответа, спросим: удобно ли копаться в грехах старого прошлого и искать сейчас „виновников“, не детская ли это забава? Да и одни ли донцы помогали врагам украинского народа? А подавление Булавинского вос-

стания на Дону гетманом Мазепою помните? А рассказывание Бугского казачества украинскими уланами помните? Не было ли это братоубийство между казаками и украинцами делом общих врагов, воздвигших свое господство над подчиненными народами методами натравления их друг на друга? Неужели „Р. Н.“ не может отличить причины от следствия? И наконец, что такое „распря“ в историческом прошлом? Не построена ли на такой борьбе вся история вообще? Не враждовали ли между собой и сами украинцы, гетманы, полки, города, земли? Что же из этого? Разве „Розб. Нац.“ не видит, что Вольное Казачество как раз и старается исправить политику распри, культивировавшуюся Москвой?

Относительно верности донцов России — еще заметим: действительно ли „Розб. Нац.“ знает историю казачества, что берет на себя смелость квалифицировать „верность“ донцов? Знакома ли „Розбудове Нац.“ история восстаний и борьбы Дона с Россией? Советуем — прочтите и подумайте.

Теперь — самое главное и важное для настоящего и будущего. Как себе представляет „Розб. Нац.“ близкую будущую борьбу Украины с Россией? Не стремятся ли все поработанные РСФСР народы составить один общий фронт против врага? Значит, включая в этот фронт Грузию, Армению, Туркестан, горские народы и другие Земли, как могла бы Украина исключить из этой линии фронта соседнее с ней Донское казачество? Где же тогда „Розб. Нац.“ „прикажет“ быть донцам? В составе фронта русского? Такую ситуацию „Розб. Нац.“ считает для Украины более выгодной? Да? — Вот что нужно бы „Р. Н.“ глубоко продумать. И еще: более думать о собственном освобождении, чем о покорении других.

Повторяем: мы хотели бы от украинцев, чтобы их политика в отношении Казачества была лучшей, чем политика России. Это, несомненно, будет более полезно и для Украины и для Казачества.

А. Ленивов.

К годовщине Степного Похода (19¹²_{II}18—19¹²_{II}31).

Хронологический указатель событий Степного Похода) (12/II-5/V 1918 г.).*

12 февраля. Аррьергардный бой партизанских отрядов с большевиками у Персиановки (в 12 верстах к северу от г. Новочеркасска).

Бой 2-ой Семилетовской партизанской сотни (пешая) с большевиками в районе Новочеркасского вокзала.

Донские партизанские отряды под командой Походного Атамана ген. П. Х. Попова, оставили в три часа дня г. Новочеркасска и, переправившись через р. Аксай, начали движение к ст. Старочеркасской (ночевка).

Войсковой Атаман ген. Назаров и Войсковой Круг не выступили в поход и остались в Новочеркасске.

Обстрел казаками ст. Аксайской партизан 1-ой сотни Новочеркасской дружины, отходящих из станицы (Аксайская) на присоединение к Походному Атаману.

Перестрелка партизанской сторожевой заставы с большевиками раз'ездами у хут. Красноворского (в двух верстах от ст. Старочеркасской).

13 февраля. В ст. Ольгинской состоялось военное совещание с участием Походного Атамана, его начальника штаба, полк. Сидорина, и высшего военного командования Добровольческой Армии.

Уход из ст. Старочеркасской конных партизанских отрядов в ст. Краснянского и есаула Бокова в ст. Ольгинскую на присоединение к Добровольческой Армии.

Переправа Донских партизанских отрядов под командой Походного Атамана через р. Дон у ст. Старочеркасской и движение к хут. Арпачину (ночевка).

Перестрелка раз'ездов конного отряда (юнкера) ес. Слюсарева с казаками ст. Маньчесской, напавших на партизанскую военно-инженерную команду.

14 февраля. Дневка партизанских отрядов в хут. Арпачине и смотр последних Походным Атаманом.

Начало реорганизации партизанских отрядов.

Константиновская станичная боевая дружина, вышедшая из подчинения Походному Атаману, уходит в ст. Константиновскую.

Обстрел казаками ст. Богаевской раз'ездов конного отряда (юнкера) ес. Слюсарева.

15 февраля. Шестидесятиверстный марш Донских партизанских отрядов из хут. Арпачина в хут. Веселый (Богаевской ст.).

16 февраля. Дневка Донских партизанских отрядов в хут. Веселом.

Походный Атаман ген. П. Х. Попов отдает приказ, в котором определяет цель и задачи Донских партизанских отрядов, устанавливая за ними общее наименование „Отряд Вольных Донских Казаков“.

Особая комиссия, образованная по приказанию Походного Атамана, производит учет денежных средств, имеющихся в распоряжении партизанских отрядов.

17 февраля. Дневка отряда в хут. Веселом и окончание реорганизации партизанских частей.

18 февраля. Дневка отряда в хут. Веселом.

Поздним вечером передовые партизанские части начинают движение из хут. Веселого в район Задонских степей.

Ночная перестрелка партизанских сторожевых застав около хут. Веселого с местными большевиками из х. х. Марьевского и Балабинского.

19 февраля. Главные силы отряда на рассвете оставляют хут. Веселый и начинают движение в Сальский округ.

Столкновение партизанской конной полусотни с большевиками на зим. Орлов-Подвал (Манук Попов).

Присоединение к Отряду Вольных Донских казаков отряда особого назначения (полк. Лебедев), оторвавшегося от Добровольческой Армии.

20 февраля. Стоянка частей отряда в районе зим. зим. Корольков-Жеребков-Орлов-Подвал (Манук Попов).

Совещание начальников частей Отряда под председательством Походного Атамана разрешает „вопрос о присоединении к Добровольческой Армии“ в отрицательном смысле слова.

21 февраля. Колонна пол. Мамонтова (партизанский пеший отряд полк. Мамонтова, конный отряд в. ст. Чернушенко и баттарея под'есаула Неживова) оставляет ночью зим. Орлов-Подвал (Манук Попов) и уходит в направлении на зим. В. Королькова (на р. Маньче), имея специальное задание.

22 февраля. К Походному Атаману прибыли из ближайших станиц и хуторов делегаты-калмыки, кото-

*) Все даты по старому стилю.

рые просят оказать помощь местному калмыцкому населению в деле защиты от большевиков.

Колонна полк. Мамонтова, переправившись через р. Маныч у зим. В. Королькова, разбивает большевиков (Думенко) в боях под х. х. Соленым, Шара-Булуком и ст. Платовской, овладевая последней с налета.

23 февраля. Переход Походного Атамана со штабом с зим. Орлов-Подвал (Манук Попов) на зим. Янова.

Прибытие на зим. Янова, конного добровольческого раз'езда под командой кап. ген. шт. Ряснянского, высланного ген. Корниловым с специальным заданием, увести Донские партизанские отряды от Походного Атамана в Добровольческую Армию.

Столкновение партизанских конных раз'ездов с раз'ездами большевиков, занявших Казенный Мост на р. Маныче.

24 февраля. Партизанский отряд в. ст. Семилетова, выдержав сильный бой с большевиками, разбивает их на голову и овладевает переправой через р. Маныч (Казенный Мост), захватывая при этом одно орудие, несколько пулеметов и много пленных, в том числе и большевицкого главковерха Чеснокова.

Гибель (умер от ран) в бою под Казенным Мостом, доблестного есаула Пашкова, командира одной из пеших сотен партизанского отряда в. ст. Семилетова.

25 февраля. Вступление в ст. Великокняжескую частей Отряда Вольных Донских казаков.

В ст. Великокняжеской партизанами захвачено пять орудий и много военного имущества, брошенного большевиками при поспешном отступлении.

На совещании начальников частей Отряда, состоявшемся вечером в ст. Великокняжеской, кап. ген. шт. Ряснянский изложил предложение ген. Корнилова о желательности и смысле присоединения Донских партизанских отрядов к Добровольческой Армии.

26 февраля. Колонна полк. Мамонтова, оставив ст. Платовскую под защитой поднявшихся против большевиков местных калмыков, прибыла в ст. Великокняжескую.

Кап. ген. шт. Ряснянский отбыл обратно в штаб Добровольческой Армии, потерпев неудачу в переговорах с начальниками Донских партизанских отрядов, относительно возможности присоединения последних к составу Добровольческой Армии.

Выступление Походного Атамана с речью на станционном сборе казаков ст. Великокняжеской.

Запись группы учеников Великокняжеского реального училища, а также и отдельных местных казаков в части Отряда Вольных Донских казаков.

27 февраля. Конный отряд в. ст. Чернушенко выступил из ст. Великокняжеской для занятия хуторов, расположенных к северу от железно-дорожной линии ст. ст. Великокняжеская-Двойная.

Начало боя партизанских частей с большевиками у ст. Ельмут (в 18 верстах от ст. Великокняжеская).

28 февраля. Бой главных сил Отряда с большевиками у ст. Ельмут, оставление ст. Великокняжеской и отход партизан вглубь степей Восточного Конезаводства.

Бой 1-ой конной сотни партизанского отряда в. ст. Семилетова, с большевиками у хут. Нижне-Кундрюческого (в 15 верстах на юго-восток от ст. Великокняжеской).

1 марта. Движение отряда вглубь степей Восточного Конезаводства, через зимовники Михайлюков № 1, Михайлюков № 2.

Уничтожение большевицкого раз'езда партизанской заставой на зимовнике Егора Пишванова.

Ночное столкновение взвода юнкеров ес. Слюсарева с большевиками в районе ст. Великокняжеской.

2 марта. Стоянка Отряда на зим. зим. бр. Пишвановых.

Калмыки ст. Платовской, покинув под напором больших сил большевиков родную станицу, прибыли на зим. Орлов-Подвал (Манук Попов), где находится ген. И. Д. Попов, оставленный в районе Западного Конезаводства для формирования калмыцких отрядов, согласно распоряжения Походного Атамана.

Ночью, недалеко от ст. Великокняжеской, на железно-дорожном переезде, наравшись на большевиц-

кую заставу погибает калмык-полковник Мангатов, прорывавшийся с группой казачьих офицеров из ст. Денисовской, на присоединение к Отряду Вольных Донских казаков.

3 марта. Бой конного отряда в. ст. Чернушенко с большевиками в районе хут. Ельмутинского.

4 марта. Размещение Отряда Вольных Донских казаков на стоянку в районе зимовников Ст. Безуглов-Подкопаев-В. Безуглов.

Нападение калмыцкой конной полусотни ген. И. Д. Попова на большевиков, занимающих ст. Платовскую.

Бой конного отряда в. ст. Чернушенко с большевиками в районе хут. Каменского.

5 марта. В Гашунский район прибыл, для организации борьбы большевиков с Отрядом Вольных Донских казаков, Царицинский главковерх Тулак.

Присоединение конного отряда в. ст. Чернушенко к главным силам Отряда.

Бой конного отряда хорунжего Назарова с большевиками у х. х. Мокрый Гашун и Церковный.

Ген. И. Д. Попов со своим калмыцким отрядом, оставил зим. Орлов-Подвал (Манук Попов) и двинулся в степи Восточного Конезаводства, на присоединение к главным силам Отряда Вольных Донских казаков.

6 марта. Занятие сел. Новоселовки конными отрядами полк. Каргальского (Атаманский отряд) и ес. Слюсарева (юнкера).

Бой (случайный) калмыцкого отряда ген. И. Д. Попова с конным отрядом в. ст. Чернушенко у зим. Михайлюков № 2.

Взятие ст. Граббевской конным отрядом хорунжего Назарова и присоединение Граббевских калмыков к партизанам.

7 марта. Ночной набег 1-ой пешей и 1-ой конной сотен партизанского отряда в. ст. Семилетова на большевиков, занимающих ст. Великокняжескую.

Бой конного отряда хорунжего Назарова с большевиками у ст. Граббевской.

8 марта. Возвращение 1-ой пешей и 1-ой конной сотен партизанского отряда в. ст. Семилетова, на зим. Подкопаева, после лихого набега на ст. Великокняжескую.

Присоединение конного отряда хорунжего Назарова к главным силам Отряда, после свершения рейда в Гашунский район.

9 марта. Занятие Манычской грязелечебницы конным отрядом (юнкера) ес. Слюсарева.

10 марта. Прибытие калмыцкого отряда ген. И. Д. Попова на зим. Подкопаева и присоединение его к главным силам Отряда Вольных Донских казаков.

11 марта. Переход Походного Атамана со штабом с зим. Ст. Безуглова на зим. В. Безуглова.

Столкновение конного отряда ес. Слюсарева с большевиками у зим. Байздренкова.

12 марта. Переход партизанского отряда в. ст. Семилетова с зим. Подкопаева на зим. В. Безуглов.

Начало генерального наступления большевиков на Отряд Вольных Донских казаков.

Набег конного отряда (юнкера) ес. Слюсарева на Манычскую грязелечебницу.

Бой (2) конных отрядов полк. Каргальского и в. ст. Чернушенко с большевиками у зим. Байздренкова.

13 марта. Бой сводного отряда партизан под командой пол. Мамонтова с большевиками у зим. Я. А. Королькова.

14 марта. Занятие зим. Сергеева конными отрядами полк. Каргальского и в. ст. Чернушенко.

Бой 2-ой калмыцкой сотни с большевиками у зим. Пишванова.

15 марта. Столкновение конно-подрывной команды партизанского отряда в. ст. Семилетова с большевиками у зим. Подкопаева. Стычка конного отряда хорунжего Назарова с большевиками у зим. Я. А. Королькова.

Бой 3-ей пешей сотни партизанского отряда в. ст. Семилетова и 2-ой калмыцкой конной сотни с большевиками у хут. Савоськина.

16 марта. Бой партизанских отрядов полк. Мамонтова и в. ст. Гиллорыбова с большевиками у зим. Трубникова.

Огделился от Огряда Вольных Донских казаков и ушел по направлению к Волге, конный отряд особого назначения (полк. ген. шт. Лебедев).

В Ставку Походного Атамана прибыла делегация от Ставропольских большевиков с предложением мирных переговоров.

17 марта. На зим. Ст. Безуглова расстрелян партизанами по приговору военно-полевого суда, б. адъютант штаба Походного Атамана лже-в. старшина Розов, уличенный в шпионаже в пользу большевиков, а равно и в самозванстве.

Есаул Сутулов и б. член 1-ой Гос. Думы Аладьин отбыли из Ставки Походного Атамана в с. Ремонтное

(Астраханской губ.) для ведения переговоров с большевиками Астраханской и Ставропольской губерний.

18 марта. Ставка Походного Атамана перешла на зим. Королькова.

19 марта. Бой партизанского отряда в ст. Семилетова и 1-ой, 2-ой калмыцких конных сотен с большевиками на Куричьей балке (хут. Савоськин и зим. Скороходова).

Гибель (умер от ран) в бою на Куричьей балке, храброго полк. Лысенкова, начальника пеших сотен партизанского отряда в ст. Семилетова.

(Окончание следует).

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Настанут длинные зимние вечера. „Парубки и „дівчата“ отправляються на „вечірниці“. Дома остаеться хозяйка и детвора, которым некуда деваться, и сумерничают. В это время забредет либо сосед, либо кум или сват, а то и просто, кому так же скучно дома одному. Хозяйка захлопочет, чтобы принять гостя, как следует, достанет из печурки сірник, ткнет им в пепел припичка и, когда он зажжется, перенесет огонь к каганцу, зажжет его там и поставит на маленькую полочку, приделанную к столбику, поддерживающему сволок. Затем начнет делать тесто для вареников. В это время хозяйка и гость сидят на лавке за столом и ведут разговор о своих хозяйственных делах и о текущих вопросах станицы. Разговор для мальчишек мало интересный и они с нетерпением ждут, пока будут готовы вареники. Наконец, наступает и для них интересная минута. Мать поставила на стол две мисочки сметаны — одну для детей, а другую для взрослых, ложки и несколько „спичаков“, соль, а около старших еще и полштофа водки, настоящей на зверобое или деревие. Выложила из котелка плетенкой вареники и также в двух мисках поставила на стол, предварительно положив в них по ложке масла и столько же тварогу и, прикрыв сверху кружком, встряхнула несколько раз, чтобы все вареники обмаслились и покрылись крупинками тварога, — так лучше будет братья за них сметана. Затем хозяйка возьмет глечик, поставит его посредине стола доньшком вверх, а на него каганец. После этого все крестятся на образа и сам хозяин торжественно объявляет:

— Просимо! Хай, як кажуть пан-отці, сам Господь благословить яствіє і питіє. Найпаче всього, мабуть, питіє. Правда, куме?

— Та воно так! Та і вареники для цього пиття — діло не лишне!

— Ага, оце ти добре, Одарко, зробила, що світло ближче поставила, а то як що мимо рота й не пронесеш, то може замість вареника другого якого звіря потягнеш в рот.

— Ну, видумай ще чого! І якого-б звіря там ти піймав, аджеж я їх з казанка виловила, то що-ж там буде в кип'ятку, крім вареників?

— Що? А от я тобі скажу — що! Пожди трохи, поки випьемь от парці та задавлю одного, або й двох вареників!.. Ну, куме, нехай все добре сіда, а лихе згине. На здоров'є!.. Ну, тепер частуй ти, Одарко.

— Та воно, куме, може трохи почекає? Хай ця спочине там трохи, вона бо довгеньку дорогу пробігла.

— Е, куме, жалю в тебе нема! Як же вона спочиватиме там, бідна сиротина?! В двох воно все таки якось веселише. Всяка животинона парується. Ну, гони ще одну, хай вкупі спочиватимуть, їм тепліше буде!

— Тату, а мені можна? Вдруг раздається дитський голос з другого кінця стола.

— Що! тобі? Ох, ти який!.. захотів рівнятися з козаками! Почекай трохи. От як на майдані отаман піднесе тобі першу чарку, тоді, може, і я с тобою випью, а до тій пори й думай не смій!.. Бо як узнаю, що ти хоть язиком лизнув де-яку каплю, то так тобі чуба нагну, що сім літ не виросте шерсть на тім місці, де моя

рука доторкнеться!.. А тепер буде с тебе і вареників!.. Ну, куме, посилай до парі, хай малі вучаться, як треба перекидати її, щоб ні каплі мимо рота не пролилось!..

— Выпили вторую.

— Так!.. продолжал хозяин, крякнув после водки и посылая вдогонку за нею вареники. — Так про що я хотів розказать?.. Ага, згадав! Може воно, куме, брехня, я вже цього не знаю, а може й правда. Казатиму, що сам чув, що мені на кордоні розказували. Так бач, таке діло. Ти сам знаєш, що як вода в Кубані на спад, то за плавнями треба слідити, бо в таку годину черкеси, то в одиночку, іноді й партіями через плавні підбираються нишком до Кубані щоб вибрати місце броду, а якщо партія порядочна, то ударять і на кордон. Тут уже треба дуже сторожко держатись і не зівати, а то як проглядеши, то вже запевно, що виріжуть уся сторожу. Бували случаї, що заставали сонних, тоді ні одного в живих не оставалося, а на другий день тільки об'їзд натикався на таке мертве царство. Так от, щоб таке не трапелось, з кордонів і наші висилали маленькі партії, чоловік пять-шість, пошляться по плавнях, зробить, значить, обиск: чи не попадається де черкесюка. Воно хоч і є в плавнях завжди наші пластуни, та вони пішки шляються там; все таки іноді треба послати верхових. От раз і послали в такий об'їзд партію в шість чоловік Кушівського куріня, з урядником. Забув, як його прозивали. Мені й казали, та от вискочило з голови. Ну, нехай буде Лаштабега, чи шо. Та так воно, мабуть, і було, здається, що дійсно Лаштабега був. Та стоять на цім не буду, може й не він. Добре. От хлопці звечора й почали лаштуватися, щоб вранці, як тільки стане благословиться на світ Божий, виїхати в об'їзд. А Лаштабега й каже: „глядіть, хлопці, не забудьте чого. Ми проїздимо завтра цілісенький день, може й ніч захватимо, а може й другого дня, то щоб було чим червяка заморити. Візьміть сухарів, та сала в сакви, та не забудьте соли, а я фляшку горілки додам. Багацько не буде, та чарки по дві, по три на брата буде.

— Якщо так, обізвався один з козаків, то дозвольте вже й борошна взяти трохи. Я візьму з собою маленький казанок, то завтра ввечерю хоч галушок зварю, як що прийдеться в плавнях ночувати.

— Та воно добре було-б, та тільки — як ти их там замісиш?

— От як! А сакви-ж у нас кожани-юхтові, я одну випорожню та застелю, та на ній і замісю.

— Та чим же ти застелиш?

— А в мене є пара чистих онуч, я тільки вчора їх виправ, вони чисті.

Ну, добре. Так ти вже не полінився, та прихвати жменя пшона та і вкинь в галушки, воно всеж смачнийш буде.

— Тьфу!.. не стерпіла Одарка і сплюнула на бік.

— Чого ти? спитав її чоловік.

— Та як же: галушки та на онучі замісять?

— Ач, яка вередлива! Ні, брат, як голод прикруте, то по нужді чого тільки не зїси. Он пластуни розказують, що їм і комиш приходилось їсти.

— Комиш! як комиш? та ним же губи і язик порізати можна!

— Та, дурна! Та хто ж таки так його старий комиш їсти стане? його і худоба не їстеме.

— А як же?

— Та так. Наберуть ще молоденького комишу, що тільки шо лист пустив, накришать його дрібненько в казанок, зварять, підсиплять піона та підправлять салом, посолять, — то такий тобі борщ вийде, що з голодухи лучшого й не треба.

— Хіба тільки, що з голодухи...

— А то ж, з голодухи, а ти думаєш з жиру? Вона, ця голодуха, як прикрите, то і підшву гризтимеш. От ми тут, бач, вареники їмо, та горілочкою забавляємось. А там на кордонах тепер саме жарка доба: Кубань стає, то так і дивись, що черкесьня посує через неї. Броду не шукать, скрізь по льоду перемахнеш. Тут уже уха не вішай, стережись і день, і ніч. Ні мороз, ніяка завирюха не спине. І чим гірша погода, тим більше берегтися треба. Що нещасні пластуни перетерплять за цієї доби в плавнях — і перемерзнуть і виголодаються так, що мабуть і комишиний борщ медом покажеться. Гидко те, що і вогню розвести не можна, щоб біди не накликати на себе. Що нам? нам все таки хоч який небудь захист є на постах, на кордонах, а от їм в таку хурделицю нищпорити по плавнях, та оглядається кругом себе, щоб не наткнутися на якого небудь розбійника!.. Тай якщо прийдеться прикурнути як небудь, то хіба тільки одним оком. Нещасний, прямо нещасний народ. А все для чого? Щоб нам жити без опаски; за нас, за для оціх всіх страждуть ці справді святі люди. Ех! вип'ємо, куме, за їх; хай їм Бог допоможе, хай підкрепить їх сили й пригріє їх. Ну-мо зараз! Отак... А все охота. От як не страшно було все, що пройшло, а як згадаєш то й жалко його. Здається, як би сила, то вп'ють би полетів туди. А то треклята рана в носі все мурудить. Ні-ні... Та як заболить іноді, то прямо криком кричи. Ну, та вже-ж вона колись загойться, може до того й моя черга дійде, то і вп'ють на коня — та й гайда! А вже-ж і погуляю с товариством! А ну, куме, придави ти ще отого злидня, чи не видавиш з його ще хоч по одній чарці, бо вареники скучують уже.

— Та тут його ще доста, хвاته ще не цілу миску вареників.

— Що ж ти вже забув про своїх кушівців, перебила Одарка, которой не понравилася нарек кума на свой от'езд на кордон.

— Що ж, виїхали вони в об'їзд, чи, мабуть, так і спать полягали?

— Ні, не забув. Спать то вони полягали й добре виспались, а чуть світ на зорі, посідали на коней, перехрестились і тихенько зникли в плавнях. Та ти, куме, мабуть добре знаєш плавні, про них тобі нічого розказувати.

— Та знаю, будь вони неладні! Хто їх з наших не зна?

Ну, так бач, там трапляються іноді прогаліни, де й комиш не росте; так вони острівками й розкидані по плавнях; хоч і мало їх, рідко коли попадаються, а все таки, як попадеться який, то передихнути на йому можна добре і людям, і коням. Часто на їх і копані невеличкі є, можна й коней напоїть, та й людям освіжитися трохи можна. Хто їх повикопував? — Господь знає. Може й наші, а може й черкеси. Ог під вечір, як сонечко сідало вже, одну з таких прогалін надітали й наші кушівці та й вирішили там переночувати, бо за видна до дому добратися вже не можна було, а плутатися по плавні нічно не приходиться — толку мало, а худобу замориш та ще в яку небудь і колдобину попадеш, хоч би в таку копань, наприклад.

— От що, каже Лаштабега, вже пізно, давайте тут и заночуємо, а завтра, чим світ, прямо до дому. В плавнях здається нічого і нікого нема, ні одного сліду не знайшли. Тільки раніше треба округи об'їхати, а то якщо не черкеси, то може і кабани в ночі нами поспідають. От що, хлопці, зостаньтесь ви тут, та хай і Терешко тут залишиться. Він же галушки нахвалюєся напирить. Поки ми об'їдемо, то ти, хлопче, подбай про черю. З пік злаштуй треніг, тільки гляди поширше їх ростав... Ну, та ти сам знаєш як це діло злаштувати. Тільки багато полум'я не розволь, щоб не дуже палало, а то який небудь лихий чорт надіба на нас. Ну, рушаймо.

Поки оддихнули, та злаштувалися виїхати, вже й смеркаться почало. Рушили. Від'їхали кроків з сотню від становища, а урядник і каже: Ну, тепер, хлопці, розділімося: ви, троє, звертайте направо; так проїдете кроків з сотню, або дві, то вп'ють звернуть направо, потім стільки ж проїдете, а там вп'ють направо, то тоді вже держіться прямо, поки нас не зустрінете, а ми поїдемо вліво і все вертатимо наліво, до зустрічі з вами. Тільки, як останній поворот зробите, то давайте який небудь знак, щоб нам не розминуться.

— Та я, каже один з тієї партії, крякату жабую!

— Ну, а я, каже один з другої партії, по кабанячі хрюкату.

Це, бач, треба було так умовитися, бо як ти знаєш, в плавнях такий комиш росте, що не тільки з конем сховаєшся, а й кінця піки не видно буде. Розділились та й поїхали потихеньку, прислухаючись до всього. Поки їздили, то стемніло так, що й конячого вуха не побачиш; місяця на небі ще не було, тільки зірки десь високо миготіли, та й тих побачиш тільки, як голову задереш. Їдеш, як в ямі якій. Одначе, все таки з'їхались обидві партії.

— Мабуть кабан хрюкав добре, додав кум.

— Мабуть що так, та мабуть і жаба не отставала. Ну, як з'їхались, то всі вже поїхали вмісті по старому сліду до становища.

(Продолжение следует).

Санжа Балыков.

Восточные соседи Казачества.

Киргиз-казаки.

в) Население, быт, занятия.

Количество населения Казакстана по переписи 1920 г. исчисляется в 5.097.000 душ, из которых 3.000.000 киргиз-казак. Это по Соколову и Уварову, а по данным академии наук, т. е. по переписи 1927 года киргиз-казак около 4.000.000 душ, без горных киргизов, которых — 650.000.

Киргиз-Казак народ турского племени. При чем, несмотря на магометанскую религию (суниты) и турское наречие, в их языке встречается не мало монгольских слов, преимущественно существительных. Внешний облик киргиз-казака, с его скуластым смуглым лицом, жесткими черными волосами, тупым носом и узкозатылками глазами и множество обрядовых моментов, схожих с таковыми у монгольских племен, и одинаковость не-

которых обычаев в быту, говорит, что в жилах киргиз-казак течет и кровь монгольская.

Надо заметить, что киргиз-казак магометане не сколько иного порядка, чем, например, турки. У них нет той строгости в исполнении требований религии, какая наблюдается у турок или магометан индусов. Кроме того, у киргиз-казак в ходу, так же как и у нас, калмыков (до недавних пор), услуги всяких шаманов и вообще элементы поверья и суеверия, которые некоторым образом видоизменили магометанство. Положение женщин также ничего общего не имеет с положением их у их единоверцев индусов, узбеков или турок, скорее оно более схоже с положением женщин у калмыков, если откинуть наличие уже исчезающего многоженства. Влияние Корана в жизни киргиз-казака также гораздо слабее, чем у других магометан, слабо распространено даже умение его читать. Менее заметно так-

же и влияние мулл в жизни киргиз-казака, чем у турок. Язык киргиз-казакон, хотя и туркский, как было сказано выше, но с заметным искажением. Распространение грамотности, как духовной, так и светской развито слабо. В последнее время все больше и больше проникает в народ русская грамотность; есть уже и ученые киргиз-казаки. Само собой разумеется, что проникновение русской грамотности и усиление русского влияния вносит и заметные трещины в семейные и социальные основы киргиз-казацкого народа. Впрочем, этот неизбежный процесс в жизни закабаленных народов здесь происходит гораздо позже и движется медленно, благодаря значительной плотности и однородности народной массы, слабо пропускающей в свою среду влияние чуждого русского народа, а также и своему окраинному положению, мало удобному для всестороннего воздействия на народ русской ассимиляционной политики, и, наконец, благодаря недалекому соседству единоверного, единоплеменного государства, духовное общение с которым не прекращается.

В быту и обычаях киргиз-казакон много оригинальных особенностей, но подробное изложение их не входит в задачи настоящего очерка. Предания и обыкновения старины заменяют здесь писанные законы; по ним урегулируется весь семейный и общественный строй жизни и этим обычаям старины подчиняются все слои народа. Патриархальность, религиозность по своему, крепость родовой связи и священное гостеприимство — вот главные, моральные устои народа. Сильно развито почитание старших. Одним из вредных явлений в общественной жизни народа надо считать ранние браки. Здесь нередко можно встретить 12—13 летнего мужа, женатого на девице 16—18 лет. И религия и народные традиции разрешают киргиз-казаку иметь много жен. Обычно, состоятельные киргиз-казаки имеют 3—4 жен, взятых разновременно, в разные периоды своей жизни. Все исследователи отмечают наличие лада между женами, чему будто-бы немало способствует взаимное облегчение тяжестей хозяйственных работ и забот, которые, кстати сказать, лежат почти всецело на плечах жен. Впрочем, роскошь многоженства могут позволить себе только зажиточные киргиз-казаки, так как каждая женитьба сопряжена со значительными издержками — уплатой калыма, иногда доходящими до значительных размеров, помимо немалых расходов по свадьбе, богатой угощениями.

Значение женщины в доме киргиз-казака велико, почему о закабаленности, как у других мусульман, не может быть и речи. Она тклет, прялет, варит, воспитывает детей; валет кошмы, доит и пр., и пр., одним словом, весь дом и хозяйство — на женах. Только наложение за табунами и стадами в поле лежит на мужчинах. Поэтому женщины не закрывают лиц и вообще чужды затворничеству.

Обычаев умыкания невест, как например бывало у калмыков, здесь, видимо, нет. Нет также в обычаях киргиз-казакон законов кровавой мести, каковые встречаются в жизни кавказских народов. Зато существует обычай „баранты“ — угон у обидчика, смотря по степени обиды, всего или части скота. Обычай этот сопровождается зачастую и злоупотреблениями; впрочем, общество всегда в таких случаях вмешивается и размер обиды и баранты устанавливается судом старых, избираемых от тяжущихся сторон.

Киргиз-казаки очень общительны, словоохотливы. В свободное летнее, весеннее или осеннее время они часто ездят друг к другу в гости, целые дни проводят в питье кумыса, чая и в еде любимой баранины. Встретиться на дороге с проезжающим и пристроиться провозжать его за десятки верст киргиз-казаку ничего не стоит. Приезд гостей всегда сопровождается обильным питьем кумыса и резней баранов. Принимая во внимание такой обычай, приходится с удовольствием отмечать трезвость киргиз-казакон. Продажа вин и водок не распространена, что в жизни других народов Сибири и Азии является национальным бичом; выделка из кумыса „раки“, как у калмыков, здесь, видимо, не практикуется. Едят „биш-барм“, кажется мучное блюдо, и повсеместно пьют „кюке ця“, т. е. зеленый чай. Делают кумыс также и из коровьего молока и называется он

„арьян“; в сравнении с кумысом из кобыльего молока он грубее и менее питательный. Делают киргизы всякие свои сыры и бьют масло. Употребление овощей еще мало распространено, хотя лук едят везде.

Любимыми развлечениями киргиз-казака, как и всякого степняка, служат скачки, борьба и соколиная охота. Скачка (байга) в жизни киргизказацких аулов — большое событие; задолго она становится известной на сотню верст вокруг и везде начинают к ней готовиться, всюду идут разговоры о фаворитах и съезжаются на самую скачку из самых далеких уголков края, кто только может. Победитель на киргиз-казацкой байге получает иногда косяк табуна, стадо коров и овец и призы даются не только первым трем, но и дальше, все уменьшаясь в цене, и кончается куском кумача. Любопытно указать, что и у киргиз-казакон практикуется обычай подмоги, каковой существовал до последних годов и у калмыков. Это — когда скачущую лошадь окружают родственники всадника или владельца скакуна на свежих конях и с гиком-криком берут за торчины и тащат вперед, воображая, что этим сильно помогают победителю. Только у калмыков за это ничего не дают, а у киргиз-казакон за эту „помощь“ победитель должен поделиться призом.

Обыкновенно во время скачек, пока не вернутся лошади пущенные по прямой линии на десятки верст, устраиваются другие номера. Главным образом происходит борьба, выступают певцы, юмористы, сказочники и на незамысловатых инструментах музыканты. По рассказам путешественников, иные киргиз-казацкие песни до того хороши, содержательны и мелодичны, что многие слушатели плачут. Каруц рассказывает, как в одном ауле, в тихую, лунную летнюю ночь, его проводник некто Нургуджа Атабеков своей песней под аккомпанимент балалайки заставил рыдать всю семью. Довольно распространены среди киргиз-казакон и другие виды устного творчества, всякие легенды, богатырские поэмы. Поэма „Манас“ самое увлекательное и популярное творение широко распространено в народе. Видимо она — вроде нашего, калмыцкого Джангара.

Есть еще один вид спортивного состязания: десятки мужчин разных родов садятся на коней, им дают свежезарезанного козла и начинается отымание этой туши друг у друга. Этот вид спорта требует крепости посадки, силы рук, ловкости и быстроты коней. К концу состязания козел, конечно, превращается в куски почернелого мяса, но само состязание вызывает большое соревнование между состязавшимися родами.

По социальному составу киргиз-казацкий народ до недавна еще делился на аристократию — потомков прежних ханов и владельцев и простой народ, а с уменьшением ханских потомков появились так называемые „манапы“; это богачи, которые, видимо, не имеют аристократического происхождения, но в силу имущественного положения сделались влиятельными и теперь уже „манапство“ наследственно. Манапы эти очень богаты, содержат свой штат наездников, которые несут роль охранников, об'езчиков и состоят преимущественно из одноплемеников самого манапа и за свою службу, кроме еды и одежды, ничего не получают. Кроме того вокруг манапа живут, доставая от него за свою работу кров и пищу, много бедноты. В данное время советизация края, вероятно принесла этим манапам разрушение их социального и имущественного положения.

В связи с возникновением базарных центров появился было среди киргиз-казакон и торговый класс, который ко времени революции был еще в зачаточном состоянии.

Указывая на причину обеднения коренного населения Казакстана, чтобы не быть голословным, сошлюсь на Семенова-Тянь-Шанского: „Покорив край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершилось исключительно с целью обогащения. Первые завоеватели были грубые невежественные люди с первобытной нравственностью и сомнительным прошлым; они не приложили усилий разумно пользоваться богатствами дарами природы и кормитись собственным трудом, а напротив выбрали другой, более легкий способ наживы — грабеж покорен-

ного народа и расхищение природных богатств". К этому авторитетному показанию остается добавить то, что все эти незаконные захваты русскими переселенцами, потянувшимися в обильный и просторный край, лучших, обработанных киргиз-казацких земель, а зачастую и скота и жилища, неизменно узаконялись, защищались представителями русской власти, независимо от инстан-

ции. Кроме этого, проникновение русской „культуры“ принесло разрушение национальных бытовых устоев, распространение всяких, дотоле неизвестных, болезней. Тем не менее, по свидетельству всех исследователей, киргиз-казацкий народ крепок здоровьем.

(Продолжение следует).

Д. Воротынский.

Р. П. Кумов.

Роман Петрович Кумов родился в станице Усть-Медведицкой, Донской области и в этой богатой окрестной станице протекли его детские годы.

Отец его Петр Казымич был много лет председателем Съезда Мировых судей. Он рано овдовел, потом женился второй раз. Мачеха очень любила своих двух сыновей Романа и Всеволода.

Большой дом Кумовых стоял около Воскресенской церкви, и так как Петр Казымич был человеком весьма религиозным, и не пропускал ни одной праздничной службы, то и мальчик Роман унаследовал от отца поклонение Богу.

В то время в Усть-Медведицкой станице старейшим считалось духовное училище и совершенно новой и молодой школой было реальное училище, кажется, в составе двух или трех классов.

Петр Казымич отдал старшего сына Романа в духовное училище. Роман Кумов был в четвертом классе, когда я поступил в первый класс. Передо мной и ныне стоит бледное, какое-то необыкновенно лучезарное лицо мальчика Кумова, всегда с иголочки одетого, гладко причесанного, чуть-чуть улыбающегося, если его дерзнет тронуть какой-нибудь первоклассник.

В уютной, с иконостасом из дуба, церкви духовного училища Кумов стоял за свечным ящиком, и я помню, с каким благоговением подходил он к ликам святых, и прежде чем поставить в подсвечник белую восковую свечку, он осенял себя большим крестом, низко кланялся и только тогда возжигал жертву перед Угодниками...

Когда я поступил в Донскую духовную семинарию, то снова увидел Кумова за свечным ящиком. Также святость осталась на его бледном, с горящими глазами, лице и этот юноша с длинными русыми, гладко причесанными на правую сторону волосами, невольно останавливал на себе внимание молодых семинаристов. Еще тогда говорили, что Кумов пойдет в духовную академию, примет монашество и будет архиереем. Но в душе молодого богослова была своя жизнь и он не пошел по духовной дороге. Окончив духовную семинарию одним из первых, Роман Петрович поступил в Московский университет на юридический факультет, по окончании которого зачислился в сословие присяжных поверенных.

Но в Москве Р. П. оставался недолго, его потянуло в Петербург. Будучи человеком материально хорошо обеспеченным, он остался жить в Петербурге и занимался исключительно литературным трудом. Там вышла его первая книга рассказов „Безсмертники“, имевшая известный успех.

Я никогда не был знаком с Р. П. и до сей поры не знаю о его дальнейших литературных дебютах, но знаю, что своим особенным талантом он сразу возвысился и его заметил весь литературный Петербург.

Будучи студентом, я много слышал о даровании Кумова, но познакомиться с его произведениями мне

пришлось очень поздно, когда за ним было уже имя.

В журнале Горького „Летопись“ я прочитал чуть ли не впервые превосходный рассказ Кумова „Наташа с Перекопских гор“, и тогда же узнал, что Горький высоко ценил талант Р. П.

Кумов не был певцом Казачества, он не знал быта казаков так, как его знал Ф. Д. Крюков. Слог у Кумова блещет такой нежностью, что, кажется, в уста его героев нельзя вложить ту самобытность и яркость казачьего говора, каковыми щеголял знаток быта казаков Федор Крюков. И герои у Кумова кажутся такими же религиозными и чистыми, каким был и он сам. Не помню, кто назвал дарование Кумова „тихим“, и вот эта, именно, тишина и присуща богобоязненному Роману Петровичу. Тишина леса, тишина реки в вечерний сумрак, тишина над полями в звездные ночи умирляла Р. П. он поклонялся тишине, вызывая из нея своих героев...

Насколько силен был талант Кумова, о сем свидетельствует его драма „Последний род Коростомысловых“, получившая на литературном конкурсе имени А. Н. Островского в Петербурге в 1916 г. первую премию. Я видел эту драму в Москве у Незлобина, уже в революционный 1917 год, где она шла с громадным успехом, но попала она на сцену в неудачное время и москвичам тогда уже было не до зрелищ. Коробил и не меня, конечно, одного состав зрителей того революционного периода. Особым шиком считалось в общественных местах появляться солдатам в растегнутой гимнастерке, без пояса, в фуражке, без обмоток и обязательно с подсолнухами и вот этой необузданной публики на драме Кумова было много-много, и в трагических местах пьесы эта масса позволяла себе волюную рыготать и отпускать по адресу первоклассных актеров театра Незлобина свои реплики. Разумеется, не было настроения смотреть сосредоточенно на сцену и трудно было проникнуться глубиной замечательной драмы „Последний род Коростомысловых“. Я был на втором представлении премьеры, требовали „автора“, но Кумов тогда был уже, вероятно, на Тихом Дону.

После мне никогда не приходилось слышать о драме Кумова и я не знаю, шла-ли она когда-нибудь в казачьих краях...

В годы „гражданской“ войны Р. П. жил в Новочеркасске и воспевал синие воды любимого им Дона на страницах журнала „Донская Волна“.

Но не долго пришлось служить Казачеству в страстное лихолетье: слабый здоровьем, расстроенный ужасами войны с красными полчищами Роман Петрович слег и навеки умолк его большой талант.

Так безвременно уходили из среды Казачества его лучшие сыны.

Париж, 25-I-31 г.

Московские оккупанты рассказывают Казачьи Земли в ударном порядке. — Казачество должно бороться за свое освобождение больше, чем в ударном порядке.

Н. Нечуй-Левицкий.

Страшен сон, да милостив Бог.

(Нечто, вроде фельетона).

Я лежу в постели и просматриваю газету, прежде чем отдаться сну. Только вечером я могу узнать, что творится на белом свете, так как день мой принадлежит работодателю. Он — заботливый хозяин и действительно хорошо позаботился, чтобы время мое не проходило все...

За столом сидит мой сожквартирант и читает какой-то роман. Чтение, повидимому, увлекательное, потому что с его лица не сходит улыбка. Я знаю, что Иван Сергеевич ненавидит „политику“ и нарочно завожу разговор на политическую тему:

— А все же, сто болячек под сердце этим большевикам, ловко они сумели надергать намордник 150 миллионам народа...

Никакого ответа. Я продолжаю:

— И кто бы мог в 17 г. помыслить, что найдется сила, способная вдвинуть разбушевавшееся море человеческих страстей в такие узкие берега, как сейчас...

Иван Сергеевич нетерпеливо отрывается от книги и замечает:

— А кто бы мог подумать в прошлом году, когда мы вместе сняли эту комнату, что ты так бесовственно станешь изводить меня проклятой политикой?

— Но все же, Ваня, ты только вдумайся: отважилась бы хоть одна власть в мире проделывать над населением то, что проделывают большевики?

Иван Сергеевич делает вид, что не слушает меня, занятый своим романом. Я не унимаюсь:

— И проделывают это не над какими-нибудь неграми, несомненно, сознающими превосходство белого человека над собой, и не над индусами — в самой крови имеющими начало пассивности и покорности, а над населением светлой кожи, расположившимся на седьмой части всей суши, составляющим колоссальнейшее государство света, подымавшимся иногда на защиту своих прав и против собственных царей, когда те перенимали свой державный посох...

— Да замолчи же ты, болтун несносный! — восклицает Иван Сергеевич с неупитворным отчаянием. — И доколе, Господи, буду терпеть я эту словесную джигитовку! Меня начинает тошнить от твоей нестерпимой политики... Лучше спи и не мешай читать. Угосаю тебя завтра парой кружек пива, — посулил он.

Веки мои тяжелеют. Я смотрю на Ивана Сергеевича и перестаю его узнавать. Передо мной человек в кожаной куртке, с красной звездой на фуражке. Я почему-то этому не удивляюсь. Не удивляюсь я и тому обстоятельству, что еще недавно был в Европе, в самом сердце „прогнившего“ Запада, а сейчас нахожусь в иных местах — как будто и знакомых, но вместе с тем — чужих, отпугивающе чужих... Мне только жутко, жутко до боли... Я сознаю, что хотя и прогнивший, но все же цивилизованный Запад, остался где-то позади, а передо мной — новый мир, кровавый и страшный, родившийся после великой катастрофы большого государства.

Незнакомец о чем-то спрашивает меня. Я его языка не понимаю и молчу. На его лице видна досада. Он сердито сплевывает и обращается ко мне по-немецки, но с ужасным акцентом:

— Кто вы такой и как здесь очутились?

Как я здесь очутился, я и сам этого не знаю, а кто я такой, об этом он знать не должен.

— Я — германский подданный, — отвечаю ему и протягиваю свои документы. Там сказано, что я действительно тот, за кого себя выдаю. Как очутился у меня эти бумаги, я не знаю, но удивления во мне это не вызывает. „Германский подданный“ — это на него, кажется, производило впечатление, потому что он уже значительно любезнее спрашивает меня:

— Вы, вероятно, член научной немецкой экспедиции, которая на днях остановилась у нас в Б.?

— Да, да, — радостно хватаю я за неожиданное объяснение моего пребывания здесь.

— Приятно познакомиться, но я все же вынужден

вас арестовать, так как вы самовольно отбились от своей группы и без разрешения забрались в приграничную полосу. До выяснения дела вы будете моим пленником, вернее — моим гостем, улыбается он.

Мне ничего не остается, как следовать за ним. Он пропускает меня вперед и мы молча шагаем по пустынной дороге. По обеим сторонам, насколько глаз хватит, простирается сплошное зеленоющее поле без меж и границ. Впереди правильными рядами вытянулись длиннейшие постройки казарменного образца.

— Где это мы? осмеливаюсь спросить своего спутника.

— 12 колхоз, 32 комбината, западная область, дистрикт В-9.

Ничего не понимаю, но не расспрашиваю, боясь выдать себя. Подходим к казарме. Солидная бетонная постройка тюремного стиля. Над входом — огромный щит с алой надписью. Буквы латинские, но наречие мне незнакомо.

— Скажите, на каком языке это написано? не могу преодолеть своего любопытства.

Вместо ответа провожатый задает мне вопрос:

— Скажите, чему вас учат в буржуазных школах и, вообще, культурный вы европеец, или только одетый по европейски кучер? Каждому образованному человеку должно быть известно, что в нашем государстве на 32 году его существования как официальный язык, введено эсперанто вместо прежнего русского языка. Признаться, я был лучшего мнения о немцах...

... Эсперанто... 32 г. существования... повторяю мысленно и испытываю головокружение.

Навстречу нам движется колонна каких-то существ, которых трудно назвать людьми: лица тупые, апатичные, безвыразительные и абсолютно лишены растительности. Взгляд стеклянный, потухший... Они до мелочей походят друг на друга и одеты в одинаковую одежду, как арестанты. Грудь обнажены и на них вытатуированы сначала какие-то кабалистические знаки, а под ними разные литеры латинского алфавита. Они идут четким военным шагом и совершенно молча. Шестие замыкает крупный человек с гладко выбритым лицом.

В руке у него хлыст... Колонна проходит мимо.

— Ради Бога, объясните мне, за что эти несчастные осуждены? осведомляюсь я взоволнованно у своего стража.

— Вы с неба свалились, или смеетесь надо мной? восклицает он негодуя. — Ведь это же здешние жители, наш живой инвентарь, наши трудномеры — новая порода людей-автоматов, которую нашим ученым удалось искусственным путем выработать из прежнего населения страны...

— Вот как? обалдело произношу я.

— Да, это блестящий триумф науки и нашего режима! гордо заявляет мой спутник.

— Простите мою любознательность, а вы, например, тоже являетесь трудномером?

— Бессмыслица! у нас население делится на два разряда: правящий — рабкомсилы, и служебный — трудномеры. Мы — потомки славной РКП, они — беспартийной массы. Трудномеры предназначаются для физической работы, мы — ими управлять. Их функция чисто мускульная, наша — интеллектуальная. На тысячу трудномеров хватает одной рабкомсилы, ибо оперативным путем они сделаны совершенно безопасными. Им непонятны ни радость, ни горе и, вообще, они свободны от душевных проявлений, свойственных людям вашего мира. Они счастливы, потому что лишены критического отношения к совершаемому вокруг них. Все их сознание сконцентрировано на труде. Их религия — труд, их стремление — труд, целая их жизнь — непрерывный трудовой процесс. Природа дает нам сырой человеческий материал, а мы творим из него законченных служителей труда. Научными методами взращивания мы подняли работоспособность наших трудномеров в три

паза против нормальной работоспособности естественных людей.

Входим во двор казармы. Хочу оглядеться по сторонам, но мой гид быстро проводит меня к какому то круглому зданию, своим видом и архитектурой выгодно отличающемуся от остальных построек.

— Импульсивдом, поясняет рабкомсила.

Мы поднимаемся по ступенькам и входим внутрь богатообставленной квартиры. Нас встречает уже немолодая женщина южного типа, с заметно расплывающимися формами.

— Моя жена, Пятилетка Совнархозовна, отрекомендовал мне рабкомсила. — Простите, я вам тоже еще не представлялся: Октябрь Интернационалович Чекистов.

Он ей что то сказал и она заговорила со мной на том же ужасном жаргоне, тщетно пытаюсь подогнать свой выговор к немецкому произношению. За чаем нам прислуживало существо, как две капли воды похожее на тех, которых я видел в колонне. Застывшее механическое лицо, нисколько мной не интересуясь, точно заведенный автомат, выполняло все приказания хозяйки.

— Это мужчина, или женщина? любопытствую я.

— Ни то, ни другое, снисходительно улыбается Октябрь Интернационалович. Это просто — трудномер. Искусственным путем мы уничтожили разницу между полами, которая доставляла нашим предшественникам столько хлопот... Пол разрешено иметь только правящему классу — рабкомсилам. Что касается трудовой массы, мы из нее создали единообразный, бесполой, коллективный тип...

— Но существует же у вас естественное движение населения? удивляюсь я. Ваши трудномеры ведь не бессмертны? На смену дряхлеющим и умирающим должны приходиться свежие, молодые... Откуда же они у вас берутся раз полы аннулированы?

— О, это тоже нами предусмотрено, самодовольно говорит рабкомсила. — Для пополнения наших трудномеров у нас предназначается специальный разряд населения — колпроизводители. В каждом колхозе мы их имеем в пропорции: одна мужская особь на пятьдесят женских... У них мы пола не отняли, но содержим их в специальных изолированных казематах. Хотя они и анимализированы, но наличие в организме сексуальных гормонов делает колпроизводителей элементом небезопасным для государственного спокойствия... Они не только не имеют общения с трудномерами, но и между собой мужчины и женщины свободно не сходятся.

Упразднив для трудовой массы институт семьи, мы создали фабрики населения, строго регулируя их производство. Ежегодно после генеральной ревизии нашей страны, вырабатывается очередной экономический госплан, предусматривающий определенную квоту рождений. Квота распределяется между разными комбинациями, а импульсивдомы, — по буржуазному: дирекция комбинатов, — в соответствии с поступающими от колхозов заказами, регулирует количество рождений в категории производителей. Как видите, наше хозяйство организовано весьма рационально. Это только буржуазия может терпеть хаос в этом отношении...

— Это чудовищно... чудесно, поправился я, выслушав его сообщение.

— Для вас это чудовищно, а для нас всего лишь нормально, потому что диктуется логикой рациональности. Как не противится буржуазия наступлению счастья и порядка на земле, но и она будет вынуждена, наконец, принять нашу систему универсального урегулирования жизни, чтобы избавиться от вечных кризисов, безработицы и перенаселенности...

Я замечаю на столе календарь, где значится 104 год. Перевожу это на буржуазное исчисление времени — получается 2021 г. Со мной готов случиться столбняк, но своего изумления я не показываю рабкомсиле, а только любезно прошу его:

— Простите мое невежество: я по образованию техник и в истории не силен... Могли бы вы передать кратко события, происшедшие в вашей стране после 1930, или по вашему — после 13 года?

— После 13 г.? Но ведь с тех пор прошла целая эпоха... Как вам должно быть известно, — с ударени-

ем выговорил т. Чекистов, — наши славные предшественники искренно верили, что счастья на земле можно достичь только путем введения в жизнь людей коллективизма. Были сделаны титанические усилия, чтобы привить населению коммунизм. Крестьянская стихия оказала бешенное сопротивление... Тиран Сталин своими неразумными мерами вызвал в народных массах небывалое озлобление против советской власти. Были пролиты реки крови и миллионы человеческих жизней непродуктивно растрачены... Население страны весьма чувствительно поредело... Не только враги коммунизма, но и прежние горячие его сторонники, начали сомневаться в жизнеспособности этой идеи...

Однако, когда Сталин был убит и к власти пришел Станин, настало заметное улучшение. Правящая партия, вдохновленная своим гениальным вождем, трезво задумалась над вопросом: в чем лежит причина неудач... Препятствием оказалась не утопичность коммунизма, как учения, а сама природа человеческая. Человеческий разум с его критическим подходом к явлениям жизни, стоял непреодолимо, как железобетонная стена, на пути к достижению лучезарного идеала. Компартия поняла, что человек с его естественной организацией счастливым быть не может. Ничего не стоило бы уничтожить за антикоммунистические взгляды все население Советского союза, но цель от этого ни на йоту не приближалась... А между тем колоссальный, невиданный экономический рост страны настоятельно нуждался в притоке живой рабочей силы... Истребляя людей за их инакомыслие, власть тем самым расходовала свою живую силу, в которой чувствовался острый недостаток... Выходило так, что власть держащие собственными руками рубили сук, на котором сидели... В компартии настал перелом. Единодушно пришли к заключению, что для торжества коммунизма необходимо изменить природу человека. Но как?

На место органов ГПУ, были позваны наши и заграничные ученые. Эти люди, вооруженные всеми новейшими достижениями науки, главный корень зла видели в человеческой индивидуальности. Счастье в жизни недостижимо просто потому, что это понятие — глубоко относительное... Каждый понимает его субъективно, по — своему. Нужно было сделать так, чтобы его понимали единообразно, коллективно, а для этого необходимо было уничтожить в человеке элемент индивидуализма... Против индивидуальности был объявлен единый фронт!

Германскому химику Фербрехеру совместно с нашим советским ученым — Соломоном Шмудерлуппом, после долгих лет изысканий, удалось найти способ искусственного изменения человеческой природы, который они назвали анимализацией. Они открыли особую сыворотку *serum asini*, после прививки которой человек освобождается от своей естественной природы, становясь живым автоматом. Он утрачивает собственную волю и способен только повиноваться. Безропотное повиновение, связанное с атрофией критического отношения к окружающему — высшее благо, какое мы дали новому человеку. Мы жертвенно взяли на себя тяжкий крест пытать сознание неразрешимыми жизненными вопросами, освободив от этого наших подданных и в этом — самая трогательная сторона нашей государственной организации! Нашими заслугами родился новый мир, в корне отличный от дряхлого буржуазного мира — мир счастья, социального покоя и небывалого в истории человечества процветания.

— Но неужели это *serum asini* так чудодейственно изменяет природу человека?

— Досконально! Оно прививает человеку трудолюбие, послушание и абсолютную пассивность. К самостоятельной жизни наши трудномеры не способны. Они могут существовать только в коллективе, мудро управляемом штатом рабкомсил. Они без инициативы. Они реагируют только на импульсы со стороны. Они делают только то, что им приказывается. Без приказаний — это манекены, которые не сделают вам ни шагу. Правда, *serum asini* не вытравляет из человека полностью врожденный элемент строптивости, но мы начали комбинировать анимализацию с кастрацией и результаты получаются удивительные! Выхолощенные

и анимализированные мальчики и девочки становятся стопроцентными трудномерами... После проведения всеобщей анимализации населения исчезли все национальные различия многочисленных этнографических групп. Создался крепкий, однообразный коллективный тип — трудномер. В связи с этим потеряло смысл и прежнее название страны — СССР. Мы переименовали его в Красный Улей, ибо нашим образцом государства послужил пчелиный рой...

В комнату вбежало двое курчавых, рыжих ребят. Старшему было лет одиннадцать, но он имел вид и степенность взрослого человека. В глазах его светился ум. Младший был веселый шаловливый мальчуган с беззаботной детской улыбкой на губах. Старший сдержанно поклонился мне и начал перелистывать какую-то книгу.

— Мои дети, сказал хозяин, любовно глядя на них.

— Давно уже ходят в школу? спрашиваю.

— У нас школ нет и мы в них не нуждаемся, ухмыляется пренебрежительно рабкомсила. — Не так давно в нашей стране появилось одно изобретение, самое поразительное от начала мира — аппарат образования. Школа сделалась столь же ненужным институтом, как в свое время оказались ненужными храмы разных религий... Вы усыпляете ребенка, помещаете его в аппарат и читаете в приемник любую дисциплину, которой хотите обучить дитя. Когда вы окончили — из аппарата выйдет умудренный знаниями доктор, инженер, профессор, — что хотите, в зависимости от того, чем вы его желаете видеть... Вот например Марксик, — указал он на старшего сына, — неделю тому назад был еще неразумным, неугомонным шалуном, а сейчас это — специалист по анимализации. А Будя еще дитя — пускай погуляет. Думаю его по торговой части накрутить...

— Как вы называли? Будя — что это за имя?

— Ну, уменьшительное от слова Буденный. Герой у нас в эпоху красного октября был такой... У нас принято давать детям имена великих людей и событий...

На стене висит географическая карта, со знакомыми очертаниями старого света. Нетерпеливо ищу то место, где должен находиться мой несчастный, поруганный край... Но что это? Сейчас же за Уралом начинается Японская империя. От Петрограда вниз идет прямая линия: с Запада к ней примыкает Германская империя, с востока — Красный Улей... Южнее видна Польша. Она заметно переместилась с запада на восток — начинается от Вислы, но тянется до Днепра... Румыния отхватила не только Одессу, но и Тавриду... Смотрю на юго-восток и сердце мое сжимается болью: весь Кавказ и Закаспийский край принадлежит Турции, но моя родная область составляет общий фон с Красным Улем...

— Это ваше государство? Но СССР был раз в двадцать больше...

— Что делать? виновато говорит рабкомсила. — Буржуазные государства, как стадо прожорливых акул, напали на наш Улей... Чтобы спасти завоевания революции, пришлось пойти на максимальные уступки... Оторвали от нас громадные пространства, но достижения Красного Октября удалось отстоять! Что, в сравнении с этим может означать потеря десятка губерний! Для нас величина территории не важна, важна внутренняя сторона жизни нашей страны, а она сохранилась в неприкосновенности! Сейчас мы живем со всеми в мире... Вот только Япония все скалит на нас свои азиатские зубы. Но у нас есть верный и надежный союзник — Германия. Не в ее интересах, чтобы наша территория еще более сократилась. 80% нашего экспорта и 90% импорта ведется с нею...

— И это вы сделали тоже с доблестным казачеством? С вольнолюбивым, рыцарским племенем, которое провело перед вами только тем, что беззавестно любило свой Родимый Край? О, негодяи, о, висельники, о, подлецы! вырывается у меня долго сдерживаемое негодование на родном языке.

Октябрь Интернационалович смотрит на мое возбужденное лицо вываленными, недоумевающими глазами:

— Что это за странная речь у вас и почему вы так волнуетесь?

— И небо на вас не обрушилось, когда вы творили свое злодеяние? кричу я в бешенстве. — О, несчастное казачество!

Рабкомсила растерянно бежит к полке с книгами, берет энциклопедический словарь и быстро перелистывает. На одной странице он на мгновение задерживается взглядом, а потом обращается ко мне:

— Казачество, это-то неблагоприятное, непокорное население Прикавказья, которое дольше остальной народной массы противилось водворению счастья в нашей стране...

Внезапно выражение его глаз меняется, становится подозрительным и пытливым... Он подходит ко мне ближе и с расстановкой говорит:

— Эге-ге-ге! Да ты, кажись, такой же немец, как и я. И рожа у тебя вовсе не немецкая, а самая чистокровная белогвардейская... И фамилия для немца странная... Признаться, ты внук, или правнук тех буржуазных предателей, которые постыдно бежали к нашим врагам, противясь наступлению социального мира и счастья в стране? Отрывка погибшего мира, и ты думаешь, что твоя дерзость пройдет тебе даром? Пойдем к аппарату правды, он все твое прошлое раскроет, как на ладони...

Рабкомсила настойчиво тянет меня к какому-то странному прибору, стоящему в углу комнаты. Я развернулся и со всего размаху треснул его в ухо, так что даже в руке защемило. Октябрь Интернационалович свалился на пол и смотрел на меня так, словно я показал ему невиданный доселе фокус. Мой несколько не оригинальный физический прием остался для него совершенно непонятен. Повидимому, в своей жизни он еще не был бит... Воспользовавшись его замешательством, я кинулся в дверь.

— Рвань белогвардейская, так ты шпионить пришел? услышал я голос рабкомсилы. Он что-то крикнул в окно и навстречу мне выбежало с десятком трудномеров. Он ими командовал, а они, производя совершенно одинаковые действия, схватили меня, смяли, скрючили...

По лестнице уже спускался Октябрь Интернационалович, растрепанный, вспотевший, с покрасневшим ухом и бесконечной злобью во взгляде.

„Пропала моя головушка, думаю себе, и мне сделалось грустно. Теперь меня наверняка расстреляют... Ну, что ж, на все Господня воля... Пришло, видно, время отправиться в селения праведных“...

— О, ты, вынырнувшая из глубины времени, гнусная тень мрачного прошлого нашей страны, отвечай, что побудило тебя подло забраться в наш улей? торжественно вопрошает меня рабкомсила.

Я молчу, с ненавистью глядя в его неславянское лицо. Он продолжает:

— Так значит, и теперь, сто лет спустя после великого Октября мы все же должны остерегаться вас, потомки вымершей эмиграции? Ты так же нас ненавидишь, как и твои буржуазные предки?

— Да, можете меня казнить, но я вас ненавижу всем объемом своего мышления! ответствую громко, зная что пощады мне не будет. — Вы, величайшие преступники, каких знает история от начала существования человечества...

— Казнить? Нет, для этого мы слишком культурны, смеется рабкомсила злорадно. — Это нерационально! Это глупо! В прошлом столетии это еще годилось, но для нашего времени устарело... Нет, голубок, мы тебя лучше анимализуем и заставим служить нашему государству. Кстати, для моего Марксика это удобный случай проверить свои знания, так как практически он еще не работал...

Душа во мне похолодела и остаток волос встал дыбом... Они хотели сделать из меня такого же несчастного, как вот эти люди-автоматы, что стоят вокруг меня. О, Господи, пошли мне лучше смерть!

Октябрь Интернационалович импульсирует — меня обнажают и ведут к какому-то сооружению наподобие конского стойла. Рабкомсила что-то кричит. Из дома выходит маленький Маркс со шприцем в руках.

Он приближается ко мне... Глаза мои от ужаса готовы выпрыгнуть из орбит и пуститься наутек вместо меня. Делаю нечеловеческое усилие вырваться из рук моих палачей. Тщетно! Меня держат, как в железных тисках... Схватывают мою правую руку. Чувствую, как острая игла вонзается в тело... Сознание меркнет... Меня выпускают из живых клещей. И вдруг замечаю, что уши мои странно удлиняются, к ногам притекает сила, хочется ржать и лягаться... Так аппетитно откуда то пахнет свежим сеном... Боже мой, *serum asini* начинает действовать, я превращаюсь в осла... Я иступленно брыкаюсь. Мой палач стоит с часами в руках и что то говорит сыну. Тот уходит в дом. Я уловил слово „кастрация“. Антонов огонь охватывает мою мысль. Хочу кричать от ужаса, но из горла вырывается только бессмысленное ржание... Изверги, им мало того, что обратили меня в скота бессловесного, они хотят лишиться меня и последней радости, которая мне еще остается в жизни! Как сквозь сон, вижу, что рабкомсиле подают острый нож и щипцы. Мой человеческий разум начинает испаряться и сознание наполняется ослинной природой. Нужно спешить пока я еще могу мыслить...

Октябрь Интернационалович, держа нож в руках, нагибается ко мне... Господи, не даждь гнусному беззаконию совершиться! Я делаю прыжок назад и всей силой своих ослинных копыт ударяю палача в то самое место, которое он собирался аннулировать у меня. Он пытался еще что то крикнуть трудномерам, но только болезненно захрапел и безвольно свалился у

моих ног. Трудномера очумело глядели на меня, но не двигались. Им не доставало импульса. Я растолкал их и бросился к воротам.

Только успел я выскочить на дорогу, как сзади раздался пронзительный визг. Пятилетки Совнархозовны. Она, вероятно, дала трудномерам нужный импульс, потому что они погнались за мной. Солнце уже садилось за горизонт и я помчался прямо на запад. Погоня меня уже настигала, когда впереди показались пограничные столбы. Граница! Ура, я спасен! Подбегаю к широкому рву. Для человека было бы немыслимо перескочить через него, но я чувствовал в ногах ослинную упругость, а страх удесатерил ее... Прыжок и..... я проснулся, весь мокрый, с бурно колотящимся сердцем.

— Что с тобой? Ты так тяжело стоишь во сне... слышу вопрос Ивана Сергеевича.

— Так это был сон? Я оцупал себя с головы до ног... О, счастье! о, радость, усты человеческими неизрекомай! Я не был анимализирован, меня не обратили в непотченное четвероногое. Я сохранил все видовые признаки *hominis sapientis generis masculini*.

Буйная радость жизни охватила меня. Не будь это ночью и не живи под нами строгая хозяйка, я бы пустился отплясывать казачка...

— А? переспросил меня Иван Сергеевич.

— Завтра расскажу, промывал я, поворачиваясь на другой бок и блаженно засыпая.

Думы и мысли.

Сергей Маргушин (Румыния).

* *

Ги! Да грянем же мы смело
Боевое наше Ги,
Чтобы вдаль оно летело
Так, чтоб слышали враги!

Нас везде и всюду знали.
Наши славные полки
Где лишь только не бывали?
Имя наше — казаки.
К нам судьбы законы строги,
Жизни тяжелой давит гнет:
В шахтах мы, мостим дороги,
Но, казачий дух живет!
Здесь ли — в чуждом для нас мире,
На земле ли нам родной,
В ссылках, в каторгах, в Сибири —
Живем думою одною...
Рано рыть еще могилу
Верным воле казакам.
Мы ведь знаем свою силу
И докажем всем врагам:
Там в степях — среди курганов,
На привольи наших рек
Изберем мы атаманов,
Как велось из века в век!
Мы пойдем на бой кровавый
За казачий наш народ
И вернем ему то право,
Что отнял московский гнет.
Чуждых воле презираем.
Правда, вольность — наш девиз.
Ги! Идет уж рать степная —
Шире путь нам! Сторонись!

1931 год.

Итак, начался 1931 год. Что он принесет нам: избавление или большее страдание — предугадать трудно. Но что прошло — всем известно, а что будет — увидим. Конечно, мы желали бы избавления в этом году от всех бед, которые сидят на нашей шее вот уже одиннадцатый

год, так что шея говорит: „я относил свой срок“, но а беде хоть бы что; ей хоть век не слезать бы с шеи. Но, как избавиться и кто будет избавителем, вот вопрос. В прошлом „избавителей“ было уже много, но ничего из этого не получалось.

Возьмем с Керенского. Он сразу избавил от царизма, что в короткое время превратил все живое в стаю саранчи, которая всегда двигается без толку и цели. Хотя Керенский потом из рубашки вылезал, уговаривая волнующую публику, но все понапрасну тратил свой труд. С фронта катилось все, только еще оставались части казахи. „Разбойнички“ поддерживали порядок, который восстановить было уже невозможно. В тыловых городах, по улицам появились солдаты Керенского, которые бежали из лазаретов в одном белье с поясным ремнем через плечо (видел сам в Курске). Так Керенский избавил свою армию от немецкого фронта и передал Ильичу на фронт против „казачков разбойничков“, а сам помчался в чужие края, как будто ни в чем не был виновен.

Были еще избавители — Корнилов, Алексеев и т. д. Но им не повезло. И вот тебе на — Деникин и Колчак. Как будто стало все благополучно, даже заговорил Деникин о верховной власти во главе с Колчаком. Первый уступает последнему свою половину, но и тут получается крутой поворот в обстановке дела. И эти избавители замазывают грязью свои пути и оба падают. Один уходит в вечность, другой помчался по дороге Керенского, да так, что ни разу не оглянулся в ту сторону, где лилась кровь „казачков“... Появился еще Врангель. Но и этому не повезло. Этот тоже катится по следам первых и рушится все до основания.

Борьба шла из за власти между русскими партиями. „Почему у власти ты, а не я“. А остальное — хоть все пропади. Да и верно, пропало все. Но все это русские избавители.

А где же казачьи избавители, Атаманы-молодцы? Ведь Казачество тоже имело собственное Я. Да! были. И это — единственный Атаман Дона А. М. Каледин. Правда, многие обвиняли его, что он пошел не по той дороге, что он допустил формироваться на Дону Доброй армии, но в то время он оставался один, а враг подходил к столице Дона и он призывал нас, фронтовиков, но мы митинговали по станицам.

После еще были Атаманы достойные, но героями пали от злодейских рук. Вечная Вам память, батки Атаманы. После власть Атамана стала переходить из рук в руки и, в конце концов, почти рассеялась, как осенний туман.

А казаки бросают все родное и идут искать чужое... И рассеялись, как израильтяне за грехи свои, что не признали Всевышнего. Так Казачество оказалось на положении Израйля. Израильтяне ожидают возвращения в Палестину, а Казачество в Казакию. Но не все. Некоторые казаки стали исполнять чужую обязанность, как служанки, как будто казаки ничем иным больше не могут быть. Один, генерал Краснов, был правая рука Николая Николаевича и многие казаки думали, что хоть один казак добьется высокого положения, но ошиблись в этом. Николай Николаевич умирает, заступает Кутепов. Он становится жертвой врагов. Бог тебе Миллер, а Краснову очереди нет. Но Миллер — хитрый, он назначает себе в помощники казака — Абрамова, чтобы меньше было сомнений в казачьей массе. Вот, мол, наш казак помощник Миллера. Но, это мало кого утешает.

Получилось деление в казачьей массе, т. е. на казаков самостийников, которые избрали чисто казачий путь, путь предков и решили отстаивать доброе имя казака, другие оказались казачьей подкладкой, т. е. снаружи он казак, но в душе кошка скребет. Читаю газету „За свободу“. Парижские паникиды по русским вояждям. А атаман Богаевский поставил на ладонь Казачество и приподнес, чтобы Российская эмиграция помянула за живого.

Конечно, русские вершители еще раз захотят использовать „казачков“, но не удастся им это потому, что Россия раньше смотрела на казаков с высоты, а теперь и вовсе пьет кровь. Правда, в эмиграции роль играет Казачество, а русский народ — в России. И тут получается две дороги: одна до Москвы, а другая в Казакию. Но, с чем же пойдет эта кучка изгнанников до Москвы, ведь не удобно же явиться без какой-либо части и вот они манят к себе „казачков“. Но все напрасно. Казакам дорога своя, шляховая, и разве казак, дойдя до своей станицы, пойдет до Москвы? Да никогда! Да от кого же он будет отбивать Москву? Ведь там же русский народ живет, а никто другой. Ежели хочет власти какакая-либо кучка эмигрантов, то это их дело, а не казаков. Казачье же дело — это освободить свой край.

Вот казакам то и надо позаботиться о своих братьях, об отцах стариках, которые молят о спасении своем, а не о Москве. Этому всему пришел конец. Россия это — Россия, а Казачество — что то другое. У Зарубежной России существует „Общевойсковой союз“, а у Казачества „Вольное Казачество“, которое взяло на себя путь освобождения чисто казачий.

Может быть русские вожды думают, чтобы им казаки опять выбрали царя, как выбрал им атаман Межаков Михаила? Нет, этому не бывать, а что некоторые казаки пошли в русский лагерь, то об них нет смысла думать, потому что такие казаки для В.К. вреда не сделают и пользы не принесут.

Правда, за казачьей головой сто русских рук, каждый хватает за казака, как утопающий за соломинку. Да только, кто нужен казак? Никто ему не нужен. Ему нужен добрый конь и чистое поле. Правда, жизнь казака тяжела и безотраднa, каждый кидается во все стороны, как угорелый, и скрость все чужое. Как подумаешь об этом, невольно бросаются на мысль слова:

Эх, были вольные времена, Казачество гуляло,

Из своих же казаков Атамана выбирало.

И что была за жизнь, что за воля,

И что за народ, казачья доля, —

Не страшны им были враги, на все они смеялись,

Было у них много злата, вином питались...

Струги полны казаками, песня в них льется,

Враг услышит ихний голос, в страхе затрясется...

Итак, братцы, вольные казаки, надвигается великое время и к этому времени нам, вольным казакам, надо подготовиться не только на словах, но и на деле. Не малую роль играло Казачество в старобитные времена, да не малую играет и в настоящем, потому что это время как раз подходит, как когда-то в России были

князьки, а в Казачестве выборные Атаманы-молодцы. Только не дай Бог, чтобы наше эмигрантское молодое поколение оказалось таким, какими оказались некоторые казаки из старого поколения; те уже преследуют заветы старины, да скоро будут преследовать и слово „казак“, им только по душе Россия, за которую они без времени проливают горькие слезы. И манят к себе казаков и сулят им медовые реки с кисельными берегами. Но это все миновало. Не наглядны ли нам были прошлые обманы в Новороссийске? Кого же бросили атаманы на берегу моря? Не тех ли бойцов, которые отдавали последние свои силы, дабы не отдать на поруганье все свое родное?

Так вот, избавителей было много и всем мы им доверяли свою судьбу, но как говорится „с пустой головой и ногам пагуба“. Власть переходила из рук в руки и в конце концов разлетелась, как мыльный пузырь. Надеяться теперь нам, казакам, не на кого, потому что наши избавители-казаки забыли заветы предков и заразились русским духом и теперь еще хотят использовать казаков для мatusшки России, как орудийное мясо, но не удастся им этого проделать, потому что этот обман не первый, а старое все сложено в архив.

Так вот, братцы, вольные казаки, еще есть нам с кем выйти на родную дорогу. Это с Вольным Казачеством, которое взяло на себя трудную, ответственную задачу для борьбы с супостатом за свой родной казачий край и казачий курень, в котором засел москаль. Честь и хвала „В. К.“ за его клич, что пробудил души еще не обуреваемых казаков, которые откликнулись сотнями со всех концов мира для борьбы за казачью волюшку. Многие думали, что Казачество стало слабым и что им можно воспользоваться в любое время в свою пользу, но эти люди не знакомы с настроением вольных казаков, которые решили отдать последние свои силы за заветы предков и за действительно выборных войсковых атаманов, которые когда-то выбирались великим казачьим Войском.

Да послужит для памяти Казачеству на многие счастливые годы боевой клич В.К., который прозвал сердце врагов своих. Есть еще порохов пороховницах, не умерла еще казачья слава, да и во век не умрет это славное, великое казачье Войско. Все, братцы казаки, под вольные знамена, которые пусть скоро разовьются на полях великих казачьих Земель, где расстилается седой ковыль и зеленый пырей, а не московский горчук...

Емельян Кочетов. (Польша).

Слепота капиталистов, или игра с огнем*).

На днях газеты принесли известия, что „переговоры между советским правительством с одной стороны, германским правительством и представителями немецкой промышленности, с другой, о правительственной гарантии по советским заказам привели к благоприятному результату“...

Германское правительство поручилось перед своими промышленниками за советское правительство. Теперь большевики будут иметь возможность „покупать“ у немецких промышленников товары в долг, в надежде, чтобы никогда его не выплатить, а немецкие промышленники будут поставлять советам свой товар, заранее зная бесцельность своего должника, не имея возможность придираться за это к своему правительству. Какое трогательное единение хищного промышленного капитала и воинствующего коммунизма!

Не этим ли сильны большевики? Не действительной своей силой, а поддержкой их иностранными государствами и промышленниками, дающими им возможность действовать в „мировом масштабе“.

Чем может руководствоваться немецкий промышленный мир, в „кредит“ поставляя советской власти товары (и военное снаряжение?), так необходимые большевикам для их укрепления, для более успешного раз-

От ред. Мы помещаем настоящую статью без редакционных оговорок, но напоминаем, что отдел „Думы и мысли“ является до некоторой степени „свободной трибуной“ в „В. К.“.

ложения и уничтожения ими того же самого капиталистического мира? Что другое, чем эта постоянная поддержка, лучше всего может приблизить большевиков к их основной цели — к уничтожению „мировых буржуев“ и капиталистов?

А это „судное“ время для европейских капиталистов неизбежно настанет, если эти последние будут и в дальнейшем так активно поддерживать большевиков, как это было до сего времени, как это делают сейчас немецкие промышленники.

Нужно будет воплотиться в подлинного Христа или Будду, чтобы, забыв все их, капиталистов, преступные заигрывания и поддержку большевиков, заступиться тогда за этих слепых хищников, в образе культурных европейцев, ныне делающих свое счастье и благополучие на крови миллионов подданных СССР.

Люди, добровольно, своей собственной рукой, копающие себе и другим могилу — какое отношение, кроме проклятия, могут заслужить!

„Рай богатых создан из ада бедных“. Это совершенно верное изречение (в прошлом) Виктора Гюго, кажется, неприменимо к современным европейским богачам, ибо последние свой рай готовы строить на чем угодно: не только на несчастьи и крови богатей в прошлом, но на несчастьи родившихся и живших в России, но и на убогих телах своих собственных детей. Ведь, ни для кого не секрет, что если большевики завоевали бы Европу, то дети европейских капиталистов, так усердно ныне поддерживающих большевиков, в первую очередь поголовно уничтожались бы, как дети их „классовых врагов“. Поэтому, если сказать по адресу некоторых европейских капиталистов, что они ценою будущих трупов своих детей покупают свое сегодняшнее счастье, то в этом не будет никакого преувеличения.

Что было бы, если мир капиталистический единодушно отказался от признания советской власти, от торжественного приема у себя ее представителей, от предоставления им прекрасной возможности (в виде экстерриториальных полпредств, торгпредств и т. д.) вести широкую пропаганду для разложения и разрушения всего капиталистического мира, если установили бы твердую изоляцию советской власти, являющейся величайшей угрозой всему миру?

Что было бы, если бы этот мир свою моральную поддержку, в виде признания, оказал бы в свое время „окраинным“ народам СССР (Украина, Казачество, Горцы, Грузия, Армяне, Туркестан и т. д.) в форме признания их национальных прав на самоопределение и устройство своей жизни по своему, и которые (народы) за это свое право так героически, с оружием в руках боролись в течение нескольких лет с большевиками?

Что было бы, если этот капиталистический мир свою действительную поддержку большевиков в виде предоставления им всяческих кредитов, торговых и иных договоров — направил бы в адрес этих народов?

И конечно, нет никакого сомнения, что мировое политическое и экономическое положение было бы совершенно иное. Создалась бы непрерывная цепь государств из перечисленных выше народов, опоясывающая и изолирующая московских большевиков. Эти государства, с огромной и разнообразно-богатой территорией, с многомиллионным здоровым, трудоспособным и морально крепким населением, благодарные культурному миру за его моральную и иную помощь, — явились бы непреодолимой для большевиков стеной, о которую они могли бы легко прошибить себе лоб.

К сожалению, все эти рассуждения на тему „если бы, да кабы“... К несчастью перечисленных выше народов („окраинных“), на радость и торжество воинствующего московского коммунизма, капиталистический мир находится во власти своей уверенности в свою устойчивость, крепость, слишком руководствуется материальной выгодой сегодняшнего дня. Этот мир до сего времени не может понять и усвоить того, что если бы в недалеком прошлом Польша, Украина, Казачество и т. д. трупами своих тысячелетних сыновей не оградили европейскую культуру от варварского нашествия большевиков, то от сегодняшней гордости европейцев могло бы не остаться и следа. После великих потрясений, мировой войны, находясь на краю еще больших великих соци-

альных потрясений, получив, ценою крови поляков, украинцев, казаков и т. д., возможность отдышаться и очухаться, несколько укрепив свое положение, гордая Европа всю заслугу этого приписала силе своей высокой культуры, высокому культурному уровню своих народов, совершенно равнодушно смотрит на муки и нечеловеческие страдания недавних своих защитников от большевизма и, как безумная, повела свою „игру“ с той самой властью, от страшного нашествия которой едва-едва унесла свои ноги...

Теперь Казачество, отданное во власть безумствующих большевиков, физически уничтожается. И другие „окраинные“ народы находятся в аналогичном с ним состоянии, лишенные возможности действительно бороться с советской властью, корчащиеся в цепях коммунистической диктатуры.

Остались лицом к лицу два мира, смертельно друг друга ненавидящие: мир капиталистический (европейский) и мир коммунистический (советский).

Мир капиталистический, преследующий свои сегодняшние материальные интересы, руководящийся жадной наживой, накопления личного богатства, живущий на вулкане в виде миллионов недовольных, озлобленных рабочих и

мир коммунистический, фанатичный, объединенный единой волей, неуклонно шествующий к своей цели — зажечь мировой коммунистический пожар — и на этом своем пути все разрушающий, все сжигающий.

И на грани этих двух миров, смертельных врагов, пребывают народы: украинцы, казаки, горцы, грузины, армяне, туркестанцы и т. д., единственным желанием и мечтой коих является освобождение от власти большевиков и устройство своей народно-государственной жизни по своему. Но к несчастью, нечеловеческие страдания, слезы, кровь их ни в ком не вызывают сожаления, естественные и неотъемлемые права их упорно никем не признаются.

Политика культурного мира с удивительным искусством и изворотливостью ведется так, чтобы дать все, что в его силах, своему смертельному врагу — большевикам, и отнять все, что возможно, — у „окраинных“ народов СССР.

В 1918-20 годах в самые ответственные моменты, когда решалась судьба казачьей армии, в моменты ответственных сражений с красной армией самые пронизывающие холодные ветры, самые сильные мятели, самые страшные дожди всегда имели почему то направление со стороны фронта большевизма в лицо казакам, или самые страшные народные отступления случались в самую скверную погоду. Суевверные калмыки поговаривали, что большевикам способствует какая то тайная сила. Так и теперь, как будто политикой культурного мира руководит та же самая „тайная сила“ и делает все, что бы из всего выгадывали большевики.

Так мир капиталистический „воюет“ с своим смертельным врагом — миром коммунистическим. Естественно, немецкие капиталисты, снабжающие большевиков необходимыми им товарами, тем самым активно их поддерживающие, не могут составлять исключения. Их поведение понятно. Оно объясняется презренным металлом, жадной наживой: „деньги не пахнут“ — вот их философия.

Но менее понятно поведение немецкого правительства, гарантирующего кредиты по советским заказам. Поддерживается ли оно тем соображением, что этим поддерживает свою промышленность, смягчает экономический кризис в стране и уменьшает страшную безработицу, являющуюся источником всяческих недоразумений, волнений, той основной „базой“, в которой большевики чувствуют себя как рыба в воде? Или это является усилением того самого „козыря“ при игре высокой немецкой политики на западном фронте: уступите, мол, нам, иначе — страшный большевизмский зверь — с нами?

Если так, то не опаснейшая ли это игра с страшным огнем?

Ведь, СССР — это страшной силы политический Везувий, день и ночь беспрерывно извергающий разрушительные лавины, действию которых подвергается весь мир. Разве не является СССР единственной осно-

вной причиной мирового кризиса? Разве не одним фактом существования на одной шестой части света большевицкой власти объясняется страшная современная мировая экономическая „болезнь“? Разве, само по себе, изоляция, полное изъятие (сознательной волей большевиков, а не потому, что мир от них отвернулся) из мирового хозяйственного оборота 150 мил. населения может ли не отразиться роковым образом на хозяйственно-экономической жизни мира? А этот мировой экономический кризис не есть ли то, чего так страстно желают большевики, чего так упорно добиваются они? Разве сама по себе советская власть не является главным источником заразы, распространяющейся по всему свету?

Казалось бы, что задачей всего мира является бороться и уничтожить этот источник заразы? Попробовать, если не уничтожить совсем, то хоть ослабить, обезвредить? Правда, мир этот „борется“ с коммунизмом, но, борясь с ним, делает все, чтобы усилить большевиков и ослабить активных врагов большевизма. Но можно ли моровую язву пытаться уничтожить путем размножения и укрепления в ней бацилл самой этой язвы, путем поддержания в ней жизни? Очевидно, никакой врач такое средство не пропишет.

Но мир капиталистический борется с большевиками именно такими средствами: укрепляя их жизнь моральным признанием, сужая их материальными средствами. Два смертельных врага схватились, но оружие борьбы этих врагов неизмеримо разное.

В руках капиталистического мира — детская шпага, а в руках воинствующего коммунизма — гусарская сабля в одной руке, браунинг в другой; первый, правой рукой размахивая шпагой, левой старательно защищает большевиков, а второй — одной рукой получает помощь своего врага, другой наносит ему удары; первый изъясняется на изысканном салонном языке, второй — кроет матом; первый связан этикой, моралью, честью, второй вооружен ложью, клеветой, подкупом, провокацией; первый, галантно раскланиваясь, вежливо произносит „вы не правы“, а второй просто ставит к стенке и без всякого разговора расстреливает; первый предлагает бороться с соблюдением всех правил „честной игры“, а второй говорит — давайте нам ваши деньги, а мы на ваши же деньги будем подтачивать и разрушать основу вашей же народной жизни.

Во всех государствах мира сидят агенты Коминтерна в виде полпредств с правом экстерриториальности, ведущие бешенную работу по разложению буржуазного мира, тратящие огромные средства, старательно охраняемые полицией буржуазного мира. Это, по понятию культурного мира, естественное право советского государства. Но можно ли представить себе хотя бы одного иностранного дипломата в Москве, смеющегося вымолвить хоть одно слово, сделать хоть один шаг против советской власти, против существующего там строя? Конечно, нет!

В самом высшем представительном органе культурного мира — Лиге Наций — Литвинов, старательно охраняемый, громит капиталистический строй, высмеивает, грозит. Но можно ли хоть когданибудь представить хотя бы одного иностранного дипломата, произносящего в Москве противокommуннистическую речь? Конечно, нет!

Это так сказать борьба словесного характера, в которой большевики имеют преимущество. Но эти два врага „опираются“ на живые силы, где также преимущество на стороне большевиков.

Взять хотя бы то, что советская власть „опирается“ на сто миллионов рабов, отдающих ей весь свой труд, безропотно выполняющие все требования советской власти, отдающие ей (правда, вынужденно) все, вплоть до жизни. Этим огромным кадром белых рабов большевики распоряжаются, как они хотят. Это голое, босое, голодное советское население, лишенное права на элементарную человеческую потребность, производит постоянную каторжную работу, весь результат которой идет на пользу и укрепление советской власти, на пропаганду мировой революции. Именно потому, что все население СССР превращено в безгласных рабов,

там нет безработицы и большевики с гордостью заявляют, что у них и не может быть безработицы.

А в Европе? Здесь не рабы, а граждане своих государств, о которых последнее обязано заботиться. Здесь народ ходить голым или босым не может, потому что здесь, дескать, люди культурные; европейские рабочие, дескать, народ культурный, а потому и потребности должны быть соответственно высокие.

Например, в Англии безработица. Страна бьет тревогу, принимаются меры по ее ликвидации, государство оказывает помощь „безработным“ в таком размере, что дай Бог столько заработать в других странах и имеющим работу. И эти „безработные“ составляют кадр, среди которого растет симпатия к „своей“ рабочей советской власти.

Интересно отметить, как создается кадр безработных в Англии. Смешно сказать, но это так. Оказывается, английский рабочий имеет право отказаться от работы, если она не по его специальности, и числится безработным, получать государственное пособие, размер которого очень приличен. Фабричная работница имеет право отказаться от места горничной, хотя бы за высокую плату, и числится безработной и получать пособие. И отказываются и „безработные“ количественно растут, доходя до 2-х миллионов, ложась тяжелым бременем на государство.

И вот два врага: один до конца обирающий своих рабов, использующий весь результат каторжного труда всего своего безгласного населения, свободный от всякого обязательства в отношении своего населения. А другой — почти как хорошая нянька ухаживающий за своими рабочими, с симпатией смотрящими в сторону большевиков, отдающий ему все, что можно, получая взамен от рабочих недовольство, угрозу внутреннего взрыва и т. д. Чья „база“ крепче, чьи возможности больше?

Это так сказать живая сила, „подпирающая“ двух смертельных врагов. Но у каждого из этих врагов имеется своя военная база, в которой тоже, кажется, большевики уже имеют преимущество. О прекрасной организации Красной Конницы много говорилось и писалось, но буржуазный мир утешался тем, что у него огромное преимущество в области техники. Но и тут, если верить сообщениям английской газеты „Дейли Мейль“, приходится отказаться от этого утешения. Оказывается, СССР в авиационном отношении занимает одно из первых мест в Европе, тратя на это дело огромные средства. В школах авиации в СССР учатся до 18000 чел. На должностях инструкторов, инспекторов, начальников отрядов в СССР находится свыше 6000 иностранных летчиков. Советские лаборатории хорошо работают в смысле изыскания способов и средств сеять смерть при помощи газовых бомб.

Если же принять во внимание утверждение ученых специалистов, что будущая война будет войной воздушной и „химической“, то станет совершенно ясным, о чем думают, к чему стремятся большевики.

Так, и словом, и делом большевики успешно готовят себе „плацдарм“ для предстоящего „последнего и решительного боя“ с капиталистическим миром. А этот последний, ослепленный своей ложной гордыней, уверенностью в свою устойчивость, крепость, руководимый жадной нажива — играет с большевизмом в „честную игру“, оказывает большевикам огромную помощь в двух самых трудных для них областях: снабжает средствами и учеными специалистами во всех областях советской жизни, хотя бы даже в виде тех 6000-ти инструкторов по авиации.

И так во всем. При активной помощи и поддержке капиталистов, большевики „догоняют“ Европу. Правда, последняя еще гордится своей высокой духовной культурой: литература, философия, искусство и т. д., но большевики плюют на всю „буржуазную“ культуру, а подлинных творцов этой культуры расстреливают, уничтожают, на место этой „буржуазной“ культуры создают свою „советскую“, „пролетарскую“, культуру жевалки, культуру шукур...

Эта „игра“ продолжается уже десять лет. Напрасны ожидания культурного мира, что он, втягивая в

свою среду, постепенно исправит большевиков, что они будут эволюционировать в лучшую сторону. Происходит мертвая хватка между враждебными мирами. В процессе самой мертвой хватки противники не могут исправиться, даже если бы они желали, а большевики исправляться совсем не желают. Большевики это ясно понимают и на этом ясном понимании строят все свои планы.

Нужна решительная, бескомпромиссная борьба с все более и более распространяющимся большевизмом. Мир должен поставить свою борьбу с коммунизмом на иные рельсы, направить ее туда, где она может принести скорые и реальные результаты. Борьба с коммунизмом на чисто социальной почве трудна. Мир недозволенных своей судьбой, жизненных неудачников слишком велик. Доказать этому миру утопичность коммунистических проповедей будет трудно и в этом мире коммунизм будет находить сторонников, „сочувственников“. Но, вместе с тем, если Европа желает избежать большевистских потрясений, то она должна начать действительную борьбу с московским коммунизмом и эта борьба должна быть направлена туда, где она может принести немедленные результаты.

Не нужно бояться злополучного слова „интервенция“. Интервенция идейная, моральная и реальная очень часто имела место в истории. Не нужно бояться пугала, что, мол, интервенция — это закабаление того, в чью пользу она делается. В исторических примерах доказательств этому пожалуй меньше, чем обратное. В истории имеются примеры, когда в освободительной борьбе народов, в частности славянских, почти всегда имела место интервенция иностранных государств и ни одна из них не закончилась закабалением того, в пользу которого она делалась.

Если европейские государства искренно желают избежать того страшного и кровавого большевистского эксперимента, который продолжается десять лет в СССР, то они должны оказать всемерную свою поддержку тем борющимся с советской властью народам Востока Европы в их законной борьбе. Эту свою поддержку они должны оказать народам во имя высокой идеи — самоопределения угнетенных народов.

Это единственный путь, который ведет к трем великим началам:

- 1) к торжеству великой идеи современной эпохи — самоопределения народов;
- 2) к началу восстановления мировой хозяйственно-экономической жизни, следовательно, к умиротворению мира;
- 3) к началу смерти самого московского большевизма.

Иных способов к восстановлению мировой хозяйственной жизни нет; иных способов преодоления воинствующего коммунизма не имеется.

Твердая воля и готовность народов Востока Европы к действенной борьбе с коммунизмом за свои национальные права и

активная помощь культурного мира этой законной борьбе народов с советской властью, помощь действительная, хорошо продуманная и до конца проведенная, — вот единственный и реальный способ для изоляции московского коммунизма.

Шамба Балинов.

Открытое письмо Донскому Атаману.

Ваше превосходительство, глубокоуважаемый Атаман, Африкан Петрович!

Разрешите побеспокоить Вас настоящим письмом мне, казаку-донцу, в первый раз за 10 лет нашего пребывания вне родины.

Г-н Атаман! Прошло 10 лет нашей жизни вдали от родного Дона, не принеся совершенно никому и никакой пользы. Все эти мучительные годы прошли под

Вашим высоким водительством; Вы — избранный вождь славного свободолюбивого Войска Донского; Вам еще на родном Дону Войсковым Кругом вверена судьба Донского Казачества; Вас Дон поставил охранять интересы и самую жизнь его и Вы в Войсковом собрании поклонились в этом.

10 лет в эмиграции Вы стоите на этом высоком посту. Все эти десять лет с начала и до последнего дня с Дона доносятся к нам стоны и вопль наших братьев-казаков, там кости предков вопиют к небу, ибо их потомство подвергается неслыханным зверским пыткам по приказу первопрестольной, ныне преступной Москвы. Слышите ли Вы, г-н Атаман, что наши братья казаки там, на родине, погибают от невыносимых страданий и взывают о помощи? Безусловно Вы слышите, но совершенно ничего в защиту утопающего в собственной крови Казачества не делаете и не желаете делать и тех, кто дерзнет в защиту интересов Казачества подать свой голос, объявляете изменниками красной Москвы, а сами спокойно в это печальное время все прочнее окапываетесь в богоспасаемом Париже, открываете банки, сберегательные кассы и т. п.

Оставьте, Ваше превосходительство, строить туры на колесах, казаки не дети (ведь это Ваши слова); они хорошо понимают, для кого и для чего открываются эти банки... Нет, г-н Атаман! Вы забыли, что Вы — избранный вождь ныне умирающего в тяжелых страданиях Донского Казачества, Вы даже забыли, что Вы — донской казак! Перевоспитал Вас Санкт-Петербург, Вы сроднились с ним и ради привязанности к сильным (когда-то) мира сего ныне изменяете Казачеству, атаманской присяге и жертвуете вверенный Вам Дон Вашей Матушке Москве.

Г-н Атаман! Если у Вас еще теплится хоть маленькая искра казачьей совести и самолюбия, то Вам не следует стоять на мертвой точке и твердить, что Вы действуете по указу Войскового Круга и т. д. Ведь время то идет, политика меняется и там и здесь и Вам следует всматриваться в самую глубину этой политики и мудро управлять рулем, который Вам дано же Казачество, что теперь захлебывается в собственной крови. Вам также не следует самолично или с Вашим окружением решать вопросы, подлежащие разрешению всего Казачества; настоящий тяжелый момент требует от Вас через созыв с'езда представителей от донских казаков эмигрантов услышать их голос, посоветываться с ними о том, что нужно предпринять для скорейшего освобождения от насильников, а затем следовало бы Вам изменить путь и идти во главе и в ногу с нами, казаками, вольными казаками, а не рабами, а если же Вы прямое служение Ваше Казачеству считаете изменой Вашей Матушке, то найти в себе мужество на этом с'езде признаться казакам, что Вы перестали быть казаком и должны расстаться с атаманским постом, сложить с себя атаманские полномочия и тем предоставить право казачьему с'езду выбрать Вам заместителя. Быть может Казачеству, имея во главе энергичного, предприимчивого вождя, и удастся что-либо сделать для освобождения родного Дона от поработившей его Москвы и это вот последнее Ваше решение будет сделано Вами гораздо честнее, чем сделал наш бывший Главнокомандующий (а ваш друг) генерал Деникин, когда он натворил делов на Кубани, развалил армию и удрал в безопасное место. Не дай Бог, чтобы это повторилось с Вами, нашим избранным вождем.

Ваше превосходительство! Прошу Вас за нескромность моих выражений меня извинить, я казак малограмотный, никакого зла на Вас не имею, но считаю своим долгом в тяжелый момент моего отечества высказать Вам свои соображения по своему разумению, предполагая, что это должен сделать каждый казак, находящийся в эмиграции.

30-1-31.

Вахмистр Донского Войска Афонин.

Павел Кудинов. (Болгария).

Две лжи.

Вольному Казачеству:
Ты праведен в словах своих
И победишь на суде твоём.

Псал. 50. ст. 6.

... Трещат профессорские рамки, падают кусками, как молью с'еденные ширмы; лопаются искусственно-сплетенные сети казачьих пауков, а там, за ширмой — ужас, бездна, мрак, в тумане которого видны: бесчисленное множество обезображенных казачьих трупов, погибших от чумных рук правителей и тифа; пирамиды бранных гробов казачьих богатырей; повисшие протянутые руки старцев, детей и матерей; слышен тихий шепот укоров, скорби, проклятия; глухой кандалный звон цепей узников, невинно томящихся в дебрях и болотах сибирской тайги — плоды упорного творчества царских рынд — гг. академиков, профессоров и юристов — военных и невоенных, рожденных от утробы матери-казачки.

Результат казачьего собрания, состоявшегося в Париже 18 января 1931 г. для многих оказался неожиданным, а в особенности для гг. профессора Маркова и председателя Казачьего Союза Н. М. Мельникова. Г-н проф. Марков и г. Мельников, разумеется, люди из числа сильных мира сего и частью мира красного, который обитает за Красновским чертополохом. Первый из них вступил членом Казачьего Союза значительно позже других, вместе с представленным им главе Каз. Союза советским паспортом, выданным ему советским правительством, а может быть, и одним из учреждений ГПУ. О наличии советского паспорта г-н Марков, конечно, и сам не отрицает, что видно из его собственных слов. Парируя утверждение есаула Сафонова (на том же собрании), г-н Марков в оправдании себя ничего нового не сказал, а лишь ловко переставил число и год, т. е., что он, Марков, выехал из царства большевиков в 1922, а не 1925 г., при чем не добровольно, а был выслан. Подобная перестановка лет положения не меняет. Из практики красного владычества нам известно лишь то, что социалистические инквизиторы обыкновенно „господ вредителей“ интернируют в одно определенное место: Соловки, Архангельск, Сибирские тундры, или, просто, смотря по тяжести преступления, „в расхот“ и кончено!

По словам же г. Маркова, дело с красным гневом кончилось для него совсем иначе: большевики по своей гуманности определили ему меру наказания — любезную высылку за пределы СССР. Внимательно наблюдая за Марковской активной антиказачьей пропагандой, не трудно и определить преследуемую им конечную цель (в порядке устной инструкции?).

Принимая живое участие в состоявшемся казачьем собрании гг. Марков и Мельников были уверены очевидно в том, что им, наконец, удастся нанести казакам самостоятельным „сокрушающий“ удар и тем похоронить ненавистное Вольно-Казачье движение. Нужно признать, что план „ораторских действий“ подготовлен был весьма хорошо; вспомогательно технические силы тоже подобраны; а аудитория полна и казалось — победа обеспечена.

Но, ведь как на грех, случилось то, о чем г. Марков совершенно запаматовал. В однообразии линий антиказачьей политической пропаганды с казачьим историком г. В. Короченцовым г. Марков согласовался еще раньше, но главное, что должен был бы сделать накануне своего выступления — договориться с г. Атаманом, он, Марков, забыл. Выступая со своей лукавой речью перед казачьей аудиторией и обращаясь в сторону самостоятельных, проф. Марков заявил: „Казачество в форме самостоятельного государства жить не может потому, что оно богато, потому, что оно имеет огромнейшие естественные богатства“.

Слышите, братья казаки, какую извращенную пропаганду сеет среди вас проф. Марков? Подумал-ли г-н

Марков о том, что он своим сенсационным утверждением создал „неприятность“ и г-ну Дон. Атаману? Лжепророчеству сегодня Вы, г-н Марков, забыли о том, о чем писали вчера в журнале „В. К. С.“. А там на стр. 6, в ном. 14—15 за январь—апрель месяц 1928 г. Донской Атаман доказывал казакам о том, что мы, казаки, не можем жить самостоятельно лишь потому, что мы бедны.

Вот вам и столпотворение! Перепутались языки Казачьего Союза. Г-н Атаман утверждает, что не можем жить самостоятельно потому, что мы бедны, а г. проф. Марков утверждает гоже что не можем, но только потому, что мы богаты. Вот и понимайте, братья казаки, куда ведет вас вассальный Казачий Союз.

Казачество, над именем которого вы производите недобросовестные эксперименты, Казачество, именем которого вы продолжаете присваивать почетные титулы и должности, Казачеству, которому вы без угрызания совести лжете, спрашивает у вас, гг. „союзники“: где же истина: в устах ли атамана, или в устах его единомышленника проф. Маркова?

Гг. члены Казачьего Союза, ведь мы не сегодня рождены, и не на полях чужбины, а в пахучей долине казачьих степей — Казакии и также знаем о наличии кое-каких богатств в нашей родной — слышите? — Казачьей Земле!

О недостатках естественных богатств в казачьей земле, я слышал очень мало, да и понятно, так как неисчерпаемые богатства говорят сами о себе. Гг. члены Казачьего Союза, взятые все вместе, скажите же по совести, если, конечно, она у вас не иссякла: Ваши Московские кумиры, которые Вас так щедро осыпали наградами и милостями в прошлом, в виде солидных участков земли и прочих привилегий, чей они ели хлеб и битую птицу всех родов? Чьим обогревались углем? Из чьих недр выкачивали газ, нефть и прочее? Чью ели рыбу? В чьих минеральных источниках холили свое тело? В чьих степях выращивали лошадей? Откуда доставлялся рогатый скот для довольствия царской армии? За какую это монаршую милость Казачество отбывало 12 летнюю службу на собственных лошадях, с полным обмундированием, вооружением и с полной укладкой походных сумм-воков? Для службы царю и его жрецам мы, как будто, имели всего в избытке, а для службы своей родине Казакии, мы как-то вдруг (по атамански) обнищали.

Вольное Казачество не ставит вам в вину того печального обстоятельства, что вы отделены от Казачества еще с соседями матери; Вольное Казачество великодушно к своим политическим противникам если, конечно, они борются средствами, достойными уважения. Будучи не связаны никакой родственностью с народами Казакии и будучи далеки от традиций седой казачьей самобытности, единоделимцы, по примеру прошлого, горят жаждою властвовать над всеми племенами и языками, не допуская и мысли о претензии побежденных на какие-бы то ни было исторические права. Но это, разумеется, дело совести тех „инородцев“, которые распространяют свои права на другие народы путем вооруженных нашествий, сопровождаемых погромами казнями, пожарами и пр. Но ведь этим „инородцам“, которые отстаивают единую неделимую, по нашему казачьему великодушию, можно сделать снисхождение, так как они не скрывают своих враждебных чувств к Казачеству. Значит, этот противник внешнего характера, а в политической борьбе с таковыми меньше расходуются силы и энергии.

Но вот вы, гг. передовые знаменосцы из Казачьего Союза, считающие себя сынами: и батюшки Тихого Дона и матушки Краснокаменной Москвы, по каким соображениям вы развращаете обновленную казачью душу? Зачем это вам понадобилось сеять в казачьи серд-

ца смуту, страх и неуверенность в успех борьбы за свои законные права и собственность? Для того, чтобы удерживать за собою первенство, вы применяете извращенные способы политической пропаганды, лишь бы властвовать. Казачество не считает нужным оспаривать ваши права, цену которым вы сами знаете, но Казачество жаждет атаманов и его помощников таких, как Булавин и Некрасов, а не таких, как Зерщиков и его старшина, рабски склонивших знамена Донской Республики к ногам царского палача — Долгорукого.

В годы великой Российской смуты, будучи во главе Донского Казачества и опираясь на волю народного Круга, не вы ли провозгласили: Дон есть самостоятельное государство! Обнародывая основные законы (казачью Конституцию), вы очевидно и тогда, „за кулисами“ преследовали ту же цель, которую преследуете сейчас. Ведя войну с большевиками, вы поглощены были иллюзией прошлого. Можно суверенностью сказать, что в ваши скрытые политические расчеты вопрос о Казачестве и не входил, о чем свидетельствуют ваши же дела и в прошлом и в настоящем. Казачьи жертвы вас не интересовали. Вам было нужно за счет казачьих голов освободить Москву, а после (так думали вы) вам легко удастся при помощи чужих сил это компактное пробудившееся казачье самосознание и любовь к своей независимости повернуть по пути Деникинских путей, ведущих в лоно Московское.

Вспомните лето 1917 года — дни развала великороссийского люда, когда многомиллионная армия превратилась в толпу разъяренных зверей — истребителей дыхания, истребителей красот божественной природы, истребителей и разрушителей святости неприкосновенных храмов и убежищ духовного утешения обездоленных; когда их (седое и юное одинаково!) офицерство стало предметом удовлетворения кровавых инстинктов толпы, предметом страшных мук и истязаний, вы, теперешние господа казачьи мудрецы, зорко огораживаемые рядовым казачеством от красной толпы, благополучно прибыли в свои станицы и хутора, как в иной тихий мир. Рядовое казачество не посягало на жизнь своих офицеров, а готово было пожертвовать собой, но лишь бы спасти честь своих офицеров от поруганий красной орды. Казачество выполнило свой долг, но вы, гг., чем отплатили и оплачиваете сейчас?

Вспомните же и то лютое время — 1918 год, когда та же красная орда, истребив груды человеческого мяса на севере, с лицами полными злобы и ненависти, с бешеным ревом: „Занимай казачьи хутора! грабь трудовые пожитки! распахивай казачью землю! уничтожай Казачество“ — ринулась на нашу землю. И что же вам было сделано? Гг. генералы, профессора, юристы и пр. — большинство из вас „в порядке своей виновности“, попрятались кто куда мог; казачество рассеялось по домам. Дон погрузился во мрак и тревогу. И вот — ползет красная волна к казачьим рубежам. Дон молчит. Раздался плач казачки... взволновался Дон. Затрубили тревогу сигналисты. Дон восстал... „И развернулася грудь казака шире дедовой“, и поседлала донцы резвых коней, и не по сигналу генералов, а по сигналу казачьей чистой совести... И только тогда, когда сформировавшиеся отряды, полки и сотни, повернули красных обратно на север, тогда только вы повыползли из своих скрывающихся, по праву старших в чине, приняли командование. Казаки, изгнавши красных из своей земли и дойдя до границ Дона заявили: Дальше не пойдем! Там земля не наша и нет надобности вмешиваться в чужие порядки“. Вы же, гг., преследуя иные цели, то средствами экзекуции, то средствами лжи толкнули казачество в чужой кровавый пир. Зачем? — Спасать российских тунеядцев, помещиков. И тем погубили Казачество.

Вы лгали на полях Балашова и Воронежа. Вы лгали при эвакуации из Новороссийска. Вы лгали в Крыму. Вы лгали в Константинополе. И лжете в Париже. И неужели никогда не раскаетесь ваша совесть? Неужели вы не считаете долгом искупить свою вину перед кровью погибших казаков и нас, скитающихся по чужбине по вашей вине?

Братья казаки, берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По делам их узнаете их.

Слушайте, казаки! Перестаньте ходить вслед чужих Богов и приносить им жертвы! Ходите вслед своих Богов и приносите жертву своим Богам, — только в этом залог счастья нашей родины — Казакии.

Тот же, кто возненавидел Казачество, тот пусть отречется от этого имени, а не соблазняет малых сих, извлекая пользу народу лукавому и жестоковейному.

Казачья эмиграция.

Сотрудникам и корреспондентам „В. К.“.

Редакция „В. К.“ настоящим просит всех новых сотрудников и корреспондентов, присылающих тот или иной материал для помещения на страницах нашего журнала, одновременно заявлять, желают ли они получать гонорар за свое сотрудничество. Без подобного предупреждения такие сотрудники считаются бесплатными.

Бесплатные сотрудники приносят большую пользу журналу, отказом от своего гонорара помогая улучшать издание самого журнала. Спасибо им.

В Париже.

15 февраля с. г. „Общество Ревнителей Казачества“ устроило открытое собрание, на котором председатель правления Е. М. Якименко прочитал свой очерк о жизни и деятельности К. Л. Бардижа. Очерк этот был выслушан с большим интересом собравшимися в значительном числе казаками.

Затем А. Тульцев сделал доклад на тему „Наши задачи“. Докладчик в общих чертах нарисовал создавшееся в Каз. Краях положение: Каз. Края наводняются пришельцами, а сами казаки ссылаются в Соловки, Нарым, находят смерть от рук чекистов; там уничтожается Каз-во, на карту поставлена жизнь Каз-ва. За что? За то, что душа свободного, вольного казака не переносит произвола, не примиряется с рабством, за то, что они претендуют пользоваться плодами своих

трудов, знания, за то, что защищают свой Край, свое жилище, свое добро, свою семью. Все это делается русскими людьми, государственной властью, признанной и поддерживаемой русским народом.

В дальнейшем докладчик делает беглый обзор истории Донского Каз-ва, начиная от периода независимого государственного существования Дона в виде Республики, через вассалитет, автономию и до превращения Дона в простую провинцию России с назначенным, непременно от неказиков, атаманом с генерал-губернаторскими правами. Рисует картину, как постепенно казаки умалились русской властью в своих правах, говорит о жестокой расправе с Казачеством Петра I. На исторических примерах доказывает, что во всякой России Казачество не может сохраниться и жить более или менее благополучно. Единственный путь, это — путь независимого бытия Каз-ва. Поэтому, нашей основной целью должно явиться независимое союзное казачье государство — Казакия. Задача каждого из нас — способствовать морально и материально делу осуществления этой нашей основной цели. Для этого мы должны научиться владеть сами собой, уметь различать друзей от врагов. Нам нужен единый путь, единая казачья политика, соответствующая нашей основной цели. Избрав себе определенный политический путь, мы должны заниматься самоорганизацией: создавать свои хутора, станицы, привлекать новых членов, готовых на материальные и иные жертвы во имя общего дела. Когда мы сумеем организовать, когда у нас будет достаточное количество хуторов и станиц, тогда мы обязаны со-

звать Зарубежный Общеказачий Круг, с голосом и мнением которого будут считаться все. Все это возможно, все это зависит от нас самих, от нашей организационной способности, от нашей воли... Каждый казак обязан следить за политикой, обязан принимать в ней активное участие. Мы обязаны выработать свою новую идеологию. Мы противопоставим: интернационалу — казачье самосознание и любовь к своей Родине; безбожию — веру в глубокие пути промысла Божия; коммунизму — уважение к индивидуальной собственности, которая добывается каждым своим трудом и знанием; бесправию — право, основанное на уважении человеческой личности каждого гражданина, его свободы, на уважении законов государства, гражданами которого мы являемся.

Доклад свой докладчик заканчивает следующей выдержкой из „В.К.“: „... Задача освобождения будет по силам Каз-ву только тогда, если оно будет едино в своих политических стремлениях и действиях. Нужна внутренняя консолидация казачьих сил. Нужно в корне пресекать все попытки к дроблению Каз-ва. Надо оставлять чужие партии и группировки и идти к своим. Казачество должно, в конце концов, собраться под свои знамена. Раскиданное по чужим группировкам, оно никакой реальной силы представлять собою не будет, — со слабыми же сейчас никто не считается. В этот ответственный момент, когда мы снова можем быть стоим накануне исторических событий, мы зовем все Каз-во под свои Вольно-Казачьи знамена!“

В последовавших затем прениях приняли участие казаки, как выражались, „люди от станка“.

Первым говорит Сидоров (донец): Приветствую сегодняшнее начинание. Надо подобные доклады устраивать почаще. Все мы — казаки, у нас должен быть один путь, путь казачий. Кто станет на этом пути, кто будет против этого Казачьего Пути, того — долой с корнем. Если же мы ограничимся только лепестками, то корень может дать еще новые злые ростки. Поэтому, долой с корнем! Я верю, что таких противников в конечном счете среди казаков не будет: ныне колеблющиеся, станут на Казачий Путь, а определенные противники заколеблются... Живо Казачество, оно не умрет...

М. Колесов (донец): Страшную трагедию ныне переживает Каз-во. Нужно будет огромное усилие всех казаков, чтобы пережить эту трагедию, сохранить славу наше Казачество. Все наши мысли, все наши помыслы должны быть направлены на спасение погибающего Каз-ва. Перед лицом этой грозной опасности для меня непонятны те казаки, которые возражают против самостоятельности. Ведь это — единственный путь, который еще может спасти и сохранить Каз-во! Нечего за Россию беспокоиться, она не пропадет, защитников для нее много, но защитников Каз-ва, кроме самих казаков, нет. Поэтому у нас единственная надежда на самих себя. Дружнее за дело, смело вперед...

Журавлев (донец): Принципиально я совершенно согласен со всем тем, что здесь нам рассказывал докладчик. Это все сухая правда, что он нам говорил. Только до сего времени мы крепко спали. Пора просыпаться, чаще встречаться. Надо действовать, надо дело...

Киктев (астр.): Все мы — казаки и у нас должна быть одна политика, чисто казачья. К несчастью, наши „вожди“ с нами не идут, у них своя „политика“. Но они и не могут с нами идти. Если они пойдут с нами, то им пришлось бы отчитываться перед нами, перед Каз-вом, сделать чего они не могут... Поэтому им нужна Великая Россия, где они могут найти „признания“ за свои „услуги“ ей, получить приличное место и иметь возможность не отчитываться перед Каз-вом... Каз-во — наша мать, а Россия — тетушка. Отсюда ясен путь казака. Я спрашиваю вас: дом, в котором находится казак, его родная мать и тетушка, вдруг загорелся. Женщины упали в обморок и им грозит смерть. Кого первым делом вынесет из горящего дома казак — мать или тетушку? Ясно, что он вынесет в первую очередь свою мать, а потом, если будет иметь возможность, пойдет спасать тетушку. Точно также и мы, казаки. Первое наше дело — спасти, сохранить и укрепить наше казачье. А когда мы укрепимся, твердо станем на свои казачьи ноги и если Россия попросит нас помочь

ей, тогда мы и ей поможем. Отчего не помочь своей тетушке? А если она не будет нас просить, при том хорошо, тогда туда ей и дорога... Я, конечно, никого собою не представляю, но те наши казаки, которые живут со мною, надеюсь полностью разделят такой мой взгляд. Указания на то, что мы не можем жить самостоятельно, так это одна глупость. С хлебом своим не пропадем. Пусть нас не пугают, что Россия будет покупать хлеб в Канаде. Через океан дешево хлеб не провезешь! Наш хлеб будет всегда для России дешевле и она будет у нас его покупать... Отец у меня был житочный человек. Мы с ним возили в Дубовку по несколько возов хлеба. Бывало там агенты не давали соответствующей цены. Отец тогда говорил мне: „Ваня, поворачивай оглобли назад“ и мы возвращались домой, ссыпали хлеб в закрома. Там хватало его и нам самим, и мышам и деньги соответствующие выручали...

Горшенев (астр.): Я хочу возразить докладчику по одному пункту. Он сказал, что казаки взяли Азов, но потом отдали обратно. Вышло, что казаки, наши предки, были люди ни то, ни се: брали крепость, а потом с легким сердцем отдавали. Это, по моему, неверно. Наши предки были не то, что мы с вами. У них было стальное сердце и железная воля. Они были казаки! Они ставили себе цель и умели ее достигать, претворить в жизнь! Как страшная лавина они разрушали все препятствия на своем пути, а цели своей достигали. Они были казаками и душой и телом. Нам нужно быть достойными своих предков: уметь ставить себе определенную цель и уметь ее достигать. Нам нужно казачье сердце, казачий дух и железная воля...

Огиенко (куб): Докладчик темой своего доклада взял такой большой вопрос, всестороннее освещение которого на одном только собрании просто невозможно. Но основной подход к этому вопросу — наши задачи — у нас, вольных казаков, определенный, ясный. У нас определенный путь, по которому мы идем, определенные задачи, какие нами преследуются. Этот наш путь, эти наши задачи, к нашей радости, совершенно соответствуют настроянию казаков „там“, в наших Краях. Путь наш — путь борьбы всеми доступными нам средствами за освобождение Казачьих Краев от власти пришельцев; цель наша — создание независимого казачьего государства — Казакии. Защищая такую определенную позицию, я в отношении тактики — противник кружковщины, изоляции от других казачьих политических группировок и сторонник сговора с ними. В этом отношении я здесь, в Париже, наблюдаю радостные для меня симптомы в некоторых казачьих кругах. В частности, Казачий Клуб раньше к вольным казакам относился неприимно, а теперь там преобладает настрояние — сговариваться с ними. Проф. Марков, например, недавно об этом публично сказал на собрании. И мне кажется, что нам, вольным казакам, не надо от них отгораживаться, а идти навстречу, сговариваться. Может быть, в конце концов, все мы найдем какой общий казачий язык, общее понимание? Ведь мы же все казаки! От этих встреч, сговоров мы ничего не потеряем, ибо у нас путь определенный, позиция ясная, своих позиций мы не сдадим, а там отчасти начинают сознавать ошибочность избранного ими пути...

Лысенков (донец): Что можно сказать по поводу доклада? Нужно только радоваться, приветствовать и пожелать, чтобы подобные доклады, собеседования устраивались чаще. В настоящем докладе, конечно, могут быть недостатки, они и есть, но сейчас нам не об этих недостатках нужно говорить, а просто отметить отрядный факт — пробуждение казачьего сознания, пробуждение в них интереса к общественным делам. Докладчик за такой короткий срок, какой, я знаю, имел он в своем распоряжении, и не мог овладеть такой большой темой. Кроме того, и докладчик, и все мы — люди от станка, занятые ежедневным тяжелым физическим трудом. При таких условиях трудно сосредоточиться, как следует отделать доклад... С выводами докладчика нельзя не согласиться. Казачество страдает, погибает. Никто его прав не признает, все идут наперегонки, чтобы первым поставить на Каз-во крест. Ясно, что долг каждого казака, задача каждого из нас — работать в меру наших сил на спасение и сохранение уни-

тожаемого Каз-ва. Два слова по поводу сговора с другими казачьими политическими группировками. С кем сговариваться, на какой предмет, почему? В каких это казачьих кругах настроение к нам изменилось и почему? Да просто потому, что „вожди“ наши увидели, что казаки им уже не доверяют, что они пошли мимо них, оторвались от своих станков и начинают что-то творить, что-то делать. Казачья масса пошла мимо „вождей“ и начинает собираться под определенным Казачьим флагом. Им, „вождям“, это страшно неприятная вещь. Теперь им, снова этих ушедших от них казаков как нибудь привлечь на свою сторону, заманить их к себе и снова их возглавить. Вот та истинная причина „перемены настроения“ в некоторых казачьих „кругах“. Эта перемена неискренняя, а всего только тактический ход. У этих „вождей“ нет другого средства для привлечения к себе казаков и они начинают слегка заигрывать на большой струнке казачьей души, т. е. на самостоятельности, которая привлекает всех казаков, которая понятна всем. Мы заняли определенный путь, ясную позицию. Мы считаем свой путь правильным и нам незачем идти к другим. Другие публично признали свой путь неверным, ошибочным. Так пусть эти признавшие ошибочность своего пути идут к нам, а не мы к ним...

Председ. Я к и м е н к о: Разрешите раз'яснить, кто имеется в виду, когда говорится здесь о казачьих верхах, признавших ошибочность своего пути. Это — Н. М. Мельников, который недавно на публичном собрании, отвечая самостийникам, на вопрос: „а ваши союзники верные?“ прямо ответил: „нет и наши союзники неверные!“

Ш. Б а л и н о в: Я получил сегодня большое моральное удовлетворение. Собрались, как здесь говорили, „люди от станка“, такой же „человек от станка“ сделал доклад на такую большую тему и справился с своей задачей так же, как и все дипломированные „вожди“. Это тем более меня радует, что и я не принадлежу к сим последним. Сегодняшний доклад и присутствие на нем столько казаков ясно свидетельствует о пробуждении казачьего сознания. А то, что говорили здесь выступавшие передо мной, свидетельствует — в какую сторону направлено это пробуждающееся казачье сознание. Это последнее обстоятельство доставляет мне еще большую радость, ибо я работаю с той группой казаков, которая идет под знаменем Вольного Казачества. О самом докладе, особенно в его исторической части, я не буду говорить. Выводы же докладчика, его определение задачи каждого казака, это как раз то, что проповедует „В. К.“, с которым я работаю давно. Да, „там“ на наших Землях разыгрывается страшная казачья трагедия и каждый казак, в ком бьется казачье сердце, в ком жив казачий дух, не может не задумываться мучительно над этой трагедией. И когда каждый казак серьезно задумается над причинами, приведшими казаков к этой трагедии, когда он серьезно задумается над путями спасения Каз-ва, то каждый из них, если он свободен от законсервированной старой психологии, привитой (искусственно) русской политикой, неизбежно станет на определенный путь — путь Вольного Казачества.

Пусть нас, вольных казаков, поносят и всячески ругают, пусть нас разные „вожди“ доказывают, что Казачество не народ. Пусть! Для нас достаточно того, что есть нечто, именуемое Каз-вом, с красивым героическим историческим прошлым, есть казачье сознание, есть казачий дух. Как все это будет именоваться — народом ли, бытовой группой — пока безразлично. Сами мы свое имя знаем. В. К. отвечает — Каз-во — славянское племя, равноправное с другими — украинцами, белоруссами, великороссами. Пусть нам доказывают, что Каз-во не может существовать самостоятельно. Лично я для себя вопрос так не ставлю: народ или не народ; может или не может. Пусть этими вопросами занимаются ученые. Я для себя ставлю вопрос так: быть или не быть Каз-ву, ибо события на наших Землях приняли именно такой оборот, когда нависла страшная опасность просто над физическим существованием Каз-ва. И отвечаю: быть и мы должны этого добиваться. Как это можно сделать? Само собой разумеется, что первым делом необходимо освободить Каз-во от той чужой власти,

которая его уничтожает, а затем избрать такую форму существования, которая способна была бы обеспечить лучшее будущее Казачеству. Для освобождения мы все должны объединиться и отдать все свои силы освободительной борьбе Каз-ва, обязаны всеми доступными нам средствами привлекать общественное мнение Европы к нашей освободительной борьбе. Но одного объединения только на отрицании существующей власти недостаточно. Необходимо объединиться на чем-то положительном. Этим положительным должна явиться форма будущей жизни Каз-ва. В. К. считает, что самой лучшей формой жизни, способной обеспечить Каз-ву всестороннее развитие и благоденствие — будет самостоятельное его существование в виде казачьего союзного государства — Казакии. Я не могу излагать мотивы и основания В. К., в силу которых оно считает это необходимым, но я скажу о тех мотивах, которыми я лично руководствуюсь, становясь под знаменем В. К.

При зависимом от России положении, рано или поздно Каз-во умрет, ибо никакая Россия блага Каз-ву не желает. Россию можно представить себе в трех видах: монархической, демократической и социалистическо-коммунистической. Иной России нет и не будет. Все мы по опыту знаем, как все эти три России относились и относятся к Каз-ву. Монархическая Россия казаков из степных орлов превратила в домашних куриц; этой России нужны не свободные, вольные и гордые сыны степи, а казаки-полицейские. О том, как жестоко расправлялись с непокорными казаками, как постепенно и упорно шла монархическая Россия к своей цели — к созданию казака-полицейского — хорошо сегодня говорил докладчик. В 1917 г. был короткий миг, когда в России царил полная свобода, правила ею подлинные русские демократы. И мы все знаем, как тогдашний кумир русского народа, Керенский, успел за этот короткий миг нанести страшную моральную пощечину Каз-ву. Так выявила свое подлинное отношение к Каз-ву демократическая Россия. Но, а как относится социалистическо-коммунистическая Россия, мы все хорошо знаем, это отношение сидит в печенке каждого казака и казачки, исходящей слезою и кровью.

Таким образом для нас ясно, что при зависимости от какой бы то ни было России Казачеству не быть. А так как мы говорим, что Каз-ву быть, то, следовательно, нужно искать такой путь, который может обеспечить казачье бытие. Таким единственным путем, по нашему мнению, является путь Вольного Казачества, т. е. независимое существование Каз-ва в своем государстве. Такого союзного казачьего государства у нас исторически не было, но жизнь идет вперед и мы, казаки, не можем от нее отставать, если не хотим умереть. Это логическое и жизненное развитие того, что у нас исторически было — отдельные казачьи государства-республики.

Как каждый из нас может помочь этому делу? Само собою разумеется, когда настанет момент, мы с оружием в руках будем служить этому делу. Но можно помогать этому делу и теперь. Для этого необходимо, чтобы каждый из нас избрал себе определенный путь, ясную жизненную цель. Когда вы выберете себе определенную и ясную цель жизни, тогда все явления жизни представляются вам в совершенно ином свете. Это просто потому, что вы ко всем этим явлениям будете подходить с определенной точки зрения, будете расценивать их с точки зрения годности для нашей жизненной цели. Если станете на такую ясную и определенную позицию, то вы сами легко найдете и способ и форму быть полезным тому делу, которому вы желаете служить. Когда все казаки станут на определенный путь, поставят себе ясную цель, тогда не трудно будет организовать те хутора и станицы, о которых сегодня говорил докладчик. Тогда можно будет попытаться созвать и Зарубежный Общеказачий Круг...

Ч е р т к о в (кубанец): Я был самостийником и умру им. Эта самая самостийность сидит в душе каждого казака. Его не переделаешь никакими ухищрениями, его можно истреблять, как истребляла и истребляет их Россия. Нам нужно всем объединиться, слгать свои силы, идти прямо к своей цели — спасению умирающего Казачества, созданию казачьего государства...

Скобелин (донец) начинает свое слово с полемики с отсутствующими донскими „вождями“, с приведением цитат из их статей. Когда председатель собрания обращается к нему, что темною сегодняшнего собеседования является не полемика, а высказывание своих взглядов на затронутые в докладе вопросы, — Скобелин отказывается от своего слова.

Калита (кубанец): Буйно радуется казачье сердце, когда слышишь простые, для всех понятные, истинные казачьи слова. Ведь эти же слова исходят от души простого, всеми забытого казака, страдающего за фабричными станками, но вместе с тем непрестанно и мучительно думающего о тяжелой судьбе родившего его Каз-ва. Поэтому и понятно, что эти слова так легко проникают в душу казака... Действуйте, братья, помогите Каз-ву стать твердо на свои богатырские ноги... Не обращайтесь на злое шипение различных врагов Каз-ва. Дружно за работу, вперед за счастье Казачества...

Щепкин (донец): У меня также бьется казачье сердце, во мне также бурлит казачья кровь. Поэтому все то, что сегодня здесь говорили, так понятно, так близко моему сердцу. Я говорить не умею, но услышанное сегодня так меня обрадовало, что молчать трудно...

Левин (донец): Я приветствую докладчика и всех собравшихся здесь братьев. Дай Бог, чтобы все то, что здесь говорилось, осуществилось как можно скорее...

Рузанов (донец): Несчастье Казачества велико, всем надо нам стараться, чтобы оно скорее и бесследно исчезло. Дай Бог здоровья и сил тем, кто борется за лучшее и светлое будущее Казачества...

Молодой донец (фамилию свою не назвал) заявляет, что он не самостоятельный и не разделяет всего того, что здесь говорили. Конечно, я казак, болею за его страдания, но сейчас самостоятельность проповедовать нельзя. Лучшее будущее Каз-во найдет в свободной России, выполняй перед нею свой долг, служи ей, как и раньше служили верою и правдою...

Жуков (кубанец): Только что диссонансом прозвучало выступление предыдущего оратора. Как можно серьезно говорить о казачьих правах, тем более о казачьей самостоятельности, когда Каз-во будет в составе „Единой, Неделимой“?

Первая наша задача, это — добиваться счастья и благополучия Каз-ва. Это основная и общая задача, которая, в свою очередь, распадается на множество задач, одни из которых не могут ждать, а другие могут еще подождать.

Первой нашей неотложной задачей является — сохранить самих себя, самосохранение. Если мы лишимся своего казачьего лица, мы ни о чем не можем говорить, нам нечего собираться. Нам нужно поддержать свой казачий дух, для этого надо чаще встречаться, беседовать о казачьих делах, обсуждать большие казачьи вопросы. Мы обязаны заниматься самовоспитанием, саморазвитием, культивировать в себе рыцарский дух, приобщаться к цивилизации. Этим путем укрепим свою веру в нашу силу, мощь, внушим к себе доверие, приобретем авторитет во внешнем мире, а когда авторитет приобретен, тогда легче и дело делать, к вам и отношение будет иное. Во-вторых, надо хорошо уяснить для себя свое мирозерцание, в данном случае — В. К. Без этого уяснения не можете передавать его другим. В третьих, нужен план действия. Нужно хорошее руководство — коллективное или личное. Я сам предпочитаю надежное и единое руководство. В каждом-серьезном деле это необходимо. В четвертых, необходимо выработать общую тактику политической работы. В политической работе можно пользоваться принципом: не пренебрегать никакими средствами, если это полезно моему государству. В пятых, маленькая каждого из нас — пропаганда. Мы рассеяны всюду, вращаемся среди различных людей, среди французов. Необходимо им где можно и как можно рассказывать о природе и сущности казаков, раскрывать им глаза. Ведь французы сплошь и рядом полагают, что казаки — это особого рода солдаты: царь-батюшка среди своих подданных выбирал соответствующих по телосложению людей и составлял из них специальные воинские части. А когда им говоришь,

что это не то и рассказываешь о настоящем казаке так они рот разевают.

Так вот, каждый из нас обязан где только можно говорить европейцам об истинном Казачестве. Этим путем мы до некоторой степени склоним на свою сторону симпатию общественного мнения Европы и когда настанет момент решительных действий, тогда у нас будет готовое общественное мнение Европы, а вы все знаете, как здесь сильно считаются с этим самым общественным мнением. В шестых, ряды Каз-ва поределите: „там“ насильственным путем, а здесь естественным путем. Наша обязанность пополнить свои ряды, привлекать новых членов, переваривать их в своем казачьем соку, делать из них казаков. В. К. этот вопрос довольно хорошо разрешает, устанавливая равенство в правах и обязанностях всего коренного иногороднего населения в Казачьих Краях. Такое решение вполне соответствует создавшемуся „там“ взаимоотношению между коренными иногородними и казаками. „Там“ коренные иногородние уже осознали свою общность интересов с интересами казаков. В седьмых здесь говорили о компромиссе, о сговоре с другими казачьими политическими группировками. Я не возражаю против этого, но будьте осторожны: они ведь и до сего времени всяческими „логическими“ построениями стараются сбивать нас с правильного пути...

Сташко (кубанец): Здесь говорили о России, о том, что Каз-во обязано служить ей... Что она нам дала, эта самая Россия? Чего она нам, казакам, принесла, кроме неисчислимого страдания, горя, унижения и потоков казачьей крови? Не хочу я ей служить! Буду служить своему родному Казачеству, с радостью отдаю за него свою жизнь! (Голоса: не волнуйтесь!) Как я могу не волноваться, когда вопрос идет о жизни или смерти дорогого мне Каз-ва, когда его физическое существование поставлено на карту, когда люди, призванные защищать его интересы, на это дело уполномоченные, упорно молчат? Я же казак, во мне бьется же казачье сердце... Никакой России я не хочу! Пусть Россия сама по себе (я ей худа не желаю), а мы, казаки, сами по себе! Нас она убивает, расстреливает, в тюрьмах гноит, наших матерей, сестер насилует, пускают по миру, а ты служи ей! Довольно этой службы! Она стала поперек горла казака! Надо казакам, наконец, подумать о своей собственной судьбе! Надо пригребать к своему берегу. Все наши силы, весь наш разум на пользу Казачества! Да здравствует казачья Свобода и Воля, да здравствует Вольное Казачество!

Иващенко (кубанец) также говорит о том, как постепенно свободные, вольные казаки были превращены в простых жандармов. Говорит о том, как покойный Бардж, находясь в Государственной Думе, тщетно пытался избавить казаков от этой проклятой жандармской обязанности. Чтобы эта попытка носила характер желания всего народа, он собрал приговора по кубанским станицам. И за то, что он осмелился говорить о казачьей вольности, о непристойности для казаков выполнять жандармскую роль, Бардж так и умер только подесаулом. Говорит о том, что „там“ казаков истребляют, а здесь — презируют. Единственный путь выйти из этого положения — добиться своими силами своего счастья, лучшего будущего...

Евтухов (донец): Я, как человек, примыкающий к тому политическому течению, к которому принадлежит и докладчик, могу только приветствовать и доклад и самого докладчика. Нужно только пожелать, чтобы подобные доклады устраивались чаще. Каждый из нас, кто сочувствует той идее, о которой говорил нам докладчик, обязан распространять ее, морально и материально помогать тому казачьему освободительному делу, имя которому Вольное Казачество! Пусть ширится и укрепляется это наше казачье движение, пусть оно приблизит нас к нашим Краям, пусть оно сократит срок нашего свидания с нашими страдающими „там“ братьями, сестрами, отцами, матерями... Слава Вольному Казачеству!

Затенко (кубанец): Приветствую вас, дорогие братья, думающие о страданиях и о спасении Казачества. Я родился казаком, им и умру. Пусть высоко ра-

зовьется Казачье Знамя, пусть так вознесется Казачество, чтобы и враги наши нам завидовали...

Збронский (кубанец): Я — казак душой и телом. Я человек беспримечный. Будьте, братья, казаками не только на словах, но и на деле. Вольные казаки прекрасно пишут о казачьих страданиях, о казачьих правах. Все это святая истина, но пока я не вижу действий. Раз действий нет, то я не могу примкнуть к нему. Будет дело — я первым пойду на смерть за славное Вольное Казачество. Тогда я к вашим услугам...

— Председательствующий на собрании Е. М. Якименко высказывает несколько своих замечаний по поводу доклада. В частности он предостерегает казаков от проведения деления по линии — казачья старшина и рядовые казаки. Ошибка считать, что казачья старшина всегда тянула в сторону Москвы, а рядовое казачество всегда было поборником казачьих прав. Это неверно. В истории были примеры, когда старшина лучше защищала казачьи интересы, чем рядовое казачество. И теперь есть среди казачьей старшины искренние защитники казачьих интересов, не тянущие в сторону Москвы...

Тут говорили (правда мало) о необходимости службы России, и казаки (некоторые) в Шанхае тоже требуют от казаков неперенной службы той же России и протестуют против В. К. и ссылаются на древнюю казачью историю. По моему — это глубочайшее заблуждение. Можно возражать против самостийников, можно чем угодно „обосновывать“ необходимость службы казаков России, но никак нельзя для этого ссылаться на седую казачью старину. Вы знаете, здесь, в Париже, образовалось Общество офицеров-казачков, каковое О-во поставило себе целью изучать „седую казачью старину“, а потом, потом... эти офицеры стали перед тупиком — изучать ли эту „седую казачью старину“ или бросить. Они в этом изучении увидели опасность: начнешь изучать эту самую „седину“ и как раз придется к Вольному Казачеству, ибо „седа казачья старина“ — за Вольное Казачество... Для нас совершенно неопасны ссылки на эту „седину“...

— На этом собрание закрывается. За поздним временем докладчик не успел сказать своего заключительного слова. По желанию собравшихся решено продолжение собрания перенести на воскресенье, 1 марта, в 2½ часа дня, там же.

(Соб. кор.)

В Брно.

15-го февраля в „День казачьей скорби“ в богослужебном помещении Чешского православного братства была отслужена панихида по всем павшим казакам в Великую и „гражданскую“ войны. После панихиды состоялся хуторской сбор Общеказачьего студ. хутора, посвященный памяти павших казаков. Вот об этом хуторском сборе я и хочу сообщить всем казакам, для которых еще дорога память о тех, кто жизнь свою отдал за лучшее будущее родных Казачьих Краев.

Правление Брненского хутора, пригласив на этот день лектора, В. Т. Васильева, упустило из виду одно обстоятельство, а именно то, что в такой день лекция читается в духе воспоминаний о павших, о их заслугах перед Казачеством и т. д., но ни в коем случае нельзя пользоваться таким днем для безнаказанной пропаганды мыслей и идей российских эс-еров.

Да и хуторской атаман И. С. Алейников, который весьма близко знаком с приглашенным лектором, забыл, очевидно, предупредить последнего, что в Брненском хуторе половина его членов суть вольные казаки, (которые, между прочим настоящего хуторского атамана на атаманский пост не выбирали), но которые на заупокойном сборе никак не будут охотны слушать бичевание павших казаков за их „плохие способности“ в период „гражданской“ войны.

Г. лектор в таком свете обрисовал всю освободительную борьбу Казачества и всех принимавших в ней участие казаков, что теперь стыдно в глаза смотреть не только друг другу, казак-казаку, но и гостям, присутствовавшим на этом сборе.

В этот день, „День казачьей скорби“ пришлось

действительно скорбеть душою за тех, кто погиб, защищая свои казачьи курени и только потому, что этим траурным днем г. „лектор“ воспользовался для того, чтобы заниматься пропагандой политического хлама и перемыванием „грязных тряпок“.

„Лектор“, задавая вопрос: „За что же сражалось Казачество; за что приносило Казачество жертвы?“ — пустился в двухчасовое повествование о своих собственных и всяких иных политических взглядах на борьбу казаков, как в период революций, так и на казачье движение за границей в настоящее время и, в частности, на самостийное движение, как на „детскую затею“.

„Да разве рядовая масса Казачества имела какие-либо определенные убеждения?“ — говорит „лектор“ и продолжает: „Разве кого-нибудь из рядовых казаков занимала будущая политическая судьба Казачьих Земель? Да нет! Рядовая казачья масса защищала свое хозяйство от разграбления, защищала свое существование, а все остальное потеряло для нее смысл и только головы казачьих верхушек занимало будущее существования Казачества. Могли-ли выборные на Войсковой Круг казаки решать такие вопросы, когда они и слова „федерация“ не понимали. А разве Донская Армия в 50.000 душ защищала свой Край? Нет! Казаки только спасали своих овец да свиней, а все остальное сделали 2½ тысячи добровольцев.“

Теперь же казаки говорят, что лозунгом борьбы в будущем есть казачья самостоятельность (к каковым стремлениям г. „лектор“ относится „подозрительно“, ибо сомневается, что этот путь приведет казаков к чему-нибудь „положительному“).

Правда, дескать, перед казаками теперь встает вопрос, куда идти? Пойдешь направо — сам погибнешь; пойдешь вперед — коня потеряешь; пойдешь налево — и коня потеряешь и сам погибнешь.

Как же выйти из этого положения?! Где бы это найти такую мамашу, за юбку которой можно было бы Казачеству спрятаться и сидеть — ждать по способу „лектора“, когда проклятый чародей, настроивший для Казачества ловушек по всем дорогам, возьмет — и оклеет и тогда, мол, казаки — езжай сразу по трем дорогам.

В конце концов и чародей то для, лектора, не был бы так страшен, да сомневается он в силе казачества — все будет, дескать, зависеть от обстоятельности. „Это ли не „дерзость“ от самостийников, мечтать о том, чтобы четыре миллиона казаков из двенадцати миллионов населения Казачьих Краев смело управлять восьмью миллионами бедных русских крестьян“.

— Полюбуйтесь вот на эту обложку журнала „Вольное Казачество“. Ведь куда забрался самостийники с границами „своей“ Казакии — в Сибирь залезли. Дерзость и больше ничего! Да еще хотя бы своими силами Казакию устраивали, а то ведь „чужих“ союзников себе ищут, а „чужим“, мол, доверять нельзя, ненадежный народ — одной рукой по головке погладишь, а другой рукой горло придавишь, а казака задушишь — раз плюнуть.

И чего, дескать, такой ерундой заниматься: самостоятельность, союзники и проч. Не лучше ли остаться пасынками „единой и неделимой“ и попрежнему нести караульную службу на немецких, румынских, китайских, турецких и др. границах. Ну, а уж если нужно будет действительно искать союзников, так зачем далеко ходить, когда под рукой никогда неизменяющийся союзник — Москва белокаменная...

Вот, приблизительно, в каком духе г. „лектор“ изволил вспоминать в „День казачьей скорби“ о павших за лучшее будущее Казачества.

Больше всего, конечно, „попало“ самостийникам и, как можно было понять из повествования, за то, что самостийники ищут где-то себе „союзников“, т. е. главным образом за то, что ищут союзников вне „будущего Московского царства“.

А почему, де, отказываться от опеки такого могущественного государства, как Россия. Не она ли казаков своей грудью вскормила; не она ли казакам всякие милости оказывала и по головке гладила, а самостийники вдруг — самостоятельность Казакию захотели. „Детская затея“ и больше ничего!..

В заключение, осмеливаюсь поблагодарить брненское хуторское правление за такую "тризну" по павшим защитникам казачьих прав (в числе коих находится мой отец, брат, а может быть теперь и дед), а особенно благодарю за то, что так ревностно украшали траурное помещение тремя русскими флагами в противовес трем флагам казачьим. Не пришлось бы этому удивляться, если бы это было желанием только помощника атамана, ибо он ни телом, ни душой не казак, но удивляюсь атаману хутора, который 8-го февраля не считал себя еще русским, а 15-го февраля уже доказывал, что не только казаки, но и евреи, татары, грузины и проч. суть русские и удивлялся совместно с "лектором" "детской затее" самостийников...

Ну, да Бог с ним. Видно атаманская булава так повлияла на воззрения. Приходится только пожалеть, что павшие казаки, о которых забыли на траурном сборе вспомнить, не могут такого любезного хуторского атамана и г. "лектора" поблагодарить сами лично за "светлую" о них память.

Ник. Шупрак.

Нью-Йоркская казачья колония.

Казачья эмиграция в Сев. Америке появилась в 1923 году из Константинополя.

С течением времени эта группа пополнялась другими казаками, приехавшими позже сюда из других государств Европы и Южной Америки.

Казачья эмиграция в Соед. Штатах Сев. Америки сосредоточена главным образом в Нью-Йорке и его окрестностях, где находится более 400 казаков всех казачьих Войск. Кроме того, казаки живут организованными в станицы в Филадельфии, в Клевленде, Дейтройте и в Чикаго, где находится база Куб. хора под управлением есаула Соколова. Довольно большая группа казаков работает на кино-съемках в Голливуде, где особенно наши джигиты прославились при фильмовании картины "Казаки". Отдельные казаки разбросаны по всей Америке.

Более детально остановлюсь на Нью-Йорке, где сосредоточено наиболее казаков. Главную массу казаков здесь составляют донцы, кубанцы и терцы, но встретить можете здесь представителей всех каз. Войск, до сибирских включительно. С самого начала, когда казаки появились в Америке, начали организовываться в свои казачьи организации: так одно время существовала Донская станица, возглавляемая ген. Коноваловым, Казачий Союз, возглавляемый ген. Денисовым и Терско-Кубанская станица в Нью-Йорке. Донская станица по неизвестным причинам прекратила свое существование, в Союзе Денисова не имеется членств и фактически существует в настоящее время Терско-Кубанская станица.

А при желании и умении организовать здесь солидную обще-казачью организацию можно было бы, потому что в материальном отношении казаки здесь находятся в гораздо лучших условиях, чем в других государствах Европы и Америки, а при наличии средств можно было бы казакам иметь здесь свой "казачий дом", клуб, кассу взаимопомощи, свои рабочие артели, бюро труда и т.д., чего до сих пор здесь ничего нет. Казаки в Нью-Йорке занимаются самыми разнообразными ремеслами, есть здесь среди нас шоферы, маляры, разборщики домов, паркетники, танцоры, певцы, музыканты, служат казаки в госпиталях, ресторанах, фабриках, заводах — чем только не занимается казак-труженик, при этом казаки могут гордиться тем, что они на работе за малым исключением так себя зарекомендовали, что где работают казаки, — с удовольствием берут при надобности и других, обратившихся туда за работой казаков.

Здесь в Америке всякая работа хорошо оплачивается, а кроме того здесь, в сравнении с Европой, низкий прожиточный минимум и, таким образом, зарабатывая приличные деньги и, скромно живя, можно сэкономить себе что нибудь про черный день, что и практикуется большинством казаков здесь, — это почти невозможно для казака эмигранта в Европе.

Живут здесь казаки с удобствами, доступными

каждому смертному; семейные занимают целые квартиры, в которых сдают от себя комнаты, в которых в большинстве случаев живут по одному, редко по два жильца; в каждой квартире имеется электричество, паровое отопление, ванная комната, а в некоторых домах кроме того и лифт. Здесь очень дешево стоят предметы первой необходимости, экипировка и питание, особенно овощи и фрукты, которые вы во всякое время года сможете достать свежими в каком угодно количестве и почти за ту же самую цену.

Что меня еще здесь поразило, когда я приехал в Америку — так это то, что здесь казаки наши летом ездят на дачу, на берег моря. В Европе мы себе эту роскошь не можем позволить за неимением средств и свободного времени, а здесь летом семейные наши станичники посылают свои семьи на целое лето на берег моря, некоторые сами едут отдохнуть на месяц или же ездят на работу с дачи и все свободное время проводят у моря на солнышке, на свежем воздухе, — этому способствуют широко разветвленные электр. ж. дор., поезда кот. ходят со скоростью 70 килом. в час. Многие казаки здесь уже обзавелись семьями, при чем в большинстве случаев в жены себе берут женщин славянского происхождения: украиннок, русских, поляк; женщины иного происхождения, в том числе и чистокровные американки, по своему характеру казакам не подходят.

Некоторые казаки, приехавшие в Америку законным образом и прожившие здесь 5 лет, принимают американское подданство, другие казаки этого не делают, потому что принятие подданства почти что ничего не дает, потому что здесь каждый себя чувствует как дома и может иметь работу, если он справится с ней и будет ее аккуратно исполнять; в Европе же дают работу в первую очередь своим подданным и за неимением таковых — иностранцам, здесь же никто себя иностранцем не чувствует.

Большим минусом для казачьей эмиграции является полное отсутствие здесь своих общественных и политических деятелей, которые вели бы среди казаков культурную работу и в духе своих казачьих традиций организовывали бы казаков; здесь казаки предоставлены самим себе, в лучшем случае находятся под влиянием старшей нашей казачьей старшины, которая, к глубокому сожалению, в своей идеологии дальше Кирилла Владимировича или Общевоинского Союза не идет. Благодаря этому, не приходится удивляться, когда встретите здесь многих казаков с еднинеделнической идеологией. Как пример приведу, что меня неприятно поразило, на состоявшемся 3 янв. с. года концерте Терско-Кубанской станицы в Нью-Йорке. Начну с того, что сцена была декорирована бывшим русским государственным флагом, при отсутствии наших казачьих флагов; русскому флагу при внесении его вместе с американским на сцену были возданы надлежащие почести вставанием, а Донской и Кубанский гимны были спеты казачьим хором как обыкновенные казачьи песни.

Как я упомянул раньше, фактически, а не на бумаге, существует в Нью-Йорке Терско-Кубанская станица, организованная 6 лет тому назад из казаков, приехавших в Америку из Константинополя; с течением времени эта станица пополнилась Кубанским хором и джигитами из Франции, которые после расформирования команды не пожелали возвратиться в Европу и осели на жительство в Нью-Йорке. Станица не имеет собственного помещения и все свои собрания, вечера и концерты устраивает в помещении одного из русских клубов. Деятельность станицы проявляется в устройстве своих концертов, отчасти взаимопомощи своим членам и другим, зачастую и не казачьим организациям; станица получает из Европы и распространяет среди своих членов казачью литературу, культурно-просветительная работа, на которую в Европе в организациях обращается особенное внимание, в станице — не ведется, но в общем станица живет дружно и сплоченно. Остальные казаки в Нью-Йорке или вообще не входят ни в какие казачьи организации или разбросаны по разным неказачьим организациям.

Много раз делались попытки общеказачьего объединения в Нью-Йорке, но, к сожалению, эти попытки ни к чему не привели. Последняя из них была сделана осенью прошлого года, когда образовалась инициативная группа по организации общеказ. станицы в Нью-Йорке, состоящая, главным образом, из донцов, отчасти кубанцев и казаков других Войск.

На собрании этой группы было постановлено войти в сношения с существующими здесь казачьими организациями по этому вопросу; на следующем собрании этой группы выяснилось, что Донская станица, руководимая ген. Коноваловым, в которой почти что не имеется членов, приняла приглашение инициативной группы, Казачий Союз ответа на приглашение не прислал, а Терско-Кубанская станица ответила, что согласно устава своей организации в ней могут состоять членами казаки всех казачьих Войск, а посему станица приглашает желающих записываться в эту организацию с тем, чтобы потом согласно нового состава станицы переименовать ее в общеказачью и переизбрать новое станичное правление. Инициативная группа, желая до конца оставить инициативу по объединению за собой, постановила считать Общеказачью станицу организованной и выбрала временное Правление. Правление вновь организованной станицы опубликовало в газетах воззвание к казакам с призывом вступать в члены этой организации. Таким образом, в Нью-Йорке в настоящее время фактически имеется две казачьи организации, подвояющее большинство членов которых ищут путей для объединения, следовательно оставка не в принципе, а в деталях, каким образом можно и нужно объединиться, а эти то детали и тормозят все дело, потому что у многих казаков большую роль играет ложное самодовольствие, которым легко можно было бы поступиться во имя благих начинаний, и которому вообще не должно быть места при разрешении общественных вопросов, где очень часто, поступаясь своим личным „я“, можно принести пользу общему делу. Не лишне прибавить ко всему этому, что Правление вновь организованной станицы желает во что бы то ни стало первенство казачьего объединения оставить за собой и по этому вопросу заняло в отношении Терско-Кубанской станицы определенную позицию, что в будущем только затруднит положение.

Вероятно, в результате недоговоренности Терско-Кубанская станица будет жить своей прежней жизнью, а вновь организованная, как состоящая главным образом из донцов, — будет продолжать свою деятельность, как Донская станица, а „самоопределившиеся“ наши станичники будут пополнять различные неказачьи организации, начиная от объединения государевых людей В. кн. Кирилла Владимировича и кончая Крестьянским Союзом. Можно только искренне пожелать, чтобы этого не случилось, чтобы в конечном итоге казаки договорились бы и объединились.

30-1-1931. Нью-Йорк.

Инж. М. Черныш.

Безработица.

Ужасный бич, ужасное несчастье мирового значения — безработица — не мог не коснуться маленькой Греции, страны потребляющей, но не производящей. Не мудрено, — если принять во внимание, что в Германии прибыль числа безработных стали исчислять сотнями тысяч еженедельно, если страдают от этого недуга Англия, Америка и др. страны, если, вообще, мир насчитывает 20 милл. безработных. Конечно, подобное явление не может рано или поздно не отразиться на эмиграции вообще, на казачьей — в частности. Здесь, в Греции, эта беда уже чувствуется достаточно остро. Лично опросив целый ряд лиц из казачьей среды, я получил самые разнообразные, но безотрадные сведения: один, плотник, работал в течение целого месяца 7 дней; другой, — плотник-подрядчик — в течение недели не вбил ни одного гвоздя и готов на любую поденную работу, не стесняясь размерами заработка; третий, подрядчик, рассчитал из 25—27 рабочих почти всех (оставил 3-х), лишив, таким образом, работы и бывших у

него казаков; четвертый, работающий давно на одном из заводов в окрестностях Пирея, дрожит, что скоро может подойти под сокращение; пятый, шоффер, работал сначала на частном автомобиле, рассчитан, попав на такси, зарабатывает столько в день, что еле хватает на еду: шестой, подрядчик — плотник, во всех отношениях аккуратный и уважаемый человек, располагающий всегда свободными деньгами, сейчас обретается в весьма стесненном состоянии; седьмой... Этот список, касающийся только казаков, можно продолжить до бесконечности (да и автор настоящих строк уже несколько месяцев перебивается случайной работой, независимо от ее качества, размеров вознаграждения и степени отдаленности от специальных познаний). Серьезность положения в Греции может быть несколько ослаблена весной и летом, но думать, что положение основательно исправится не вижу оснований. Поэтому, прочитав в № 72 „В. К.“ заметку Н. В. Примерова („... казаки народ трудолюбивый и безработных в станице нет...“), я счел своим долгом написать эти строки в глубокой уверенности, что уважаемый Никанор Васильевич, как человек, здесь новый, не посетует на меня за то, что, опираясь на факты и достаточно хорошее знание людей, я смотрю на вещи более пессимистично и выступаю с этой заметкой во 1) для того, чтобы затронуть в общеказачьей массе желание осознать, что надвигается несчастье, с которым надо безотлагательно и организованно бороться общеказачьими, а не только местными силами, 2) чтобы, в частности, казаки не приняли Грецию за тот благословенный мировой оазис, где можно легко устроиться и благополучно жить каждому, даже трудолюбивому, человеку.

Кто хочет найти подлинную гражданскую свободу и таковое равенство — пусть едет в Грецию, но кто хочет иметь кусок хлеба — пусть пока не торопится хлопотать о визе. Даже квалифицированные иностранцы-специалисты высокого ранга (инженеры, архитектора, врачи и т. п.) могут работать в местных предприятиях и учреждениях лишь с разрешения Правительства (фактически — получение этого разрешения крайне затруднено). Прикрыться принятием подданства, как это иногда бывало раньше, сейчас тоже для вновь въехавших невозможно: надо прожить вместо нескольких месяцев (напр. 1920—1921 гг.), не менее 3-х лет на территории государства, чтобы приобрести право на хлопоты о греческом подданстве.

Кубанец.

Казачата за границей. Молодой донец (ст. Верхне-Курмоярской) Аlesia Котельников в Братиславе.

„Ковыльные волны“.

Вышел 2-й номер калмыцкого журнала „Ковыльные волны“ — орган группы „Хальмак Тангачин Тук“. Номер приурочен к 18 февраля, к празднику „Цаган“.

В Злине.

Три донских казака, проживающие в знаменитом уже городе чешского обувного „короля“ Бати, 15 сего февраля служили панихиду по первому Донском Атамане А. М. Каледине.

Панихиду совершил протоиерей о. Алексей.

В. Ор-хов.

В Греции.

Уходят, родные...

1. В Афинах умер и в Пирее погребен казак кубанец Андрей Терентьевич Полтавцев. К месту последнего упокоения, на чужбине усопшего, проводили — бывший в то время станичным атаманом А. И. Литовкин, писарь И. М. Аралкин, два — три друга покойного, а так же отпевавший усопшего настоятель русского храма в Пирее протоиерей о. П. Крахмалев. После Полтавцева осталось несколько денег и вещей, которые, по распоряжению Атамана, приняты на ответственность станицы и хранятся там на случай объявления возможных законных наследников умершего.

2. Вслед за Полтавцевым последовал в могилу кубанец И. Л. Щербак, бывший 11 лет шофером на Кубани и не раз возивший Кубанских министров. Со всей возможной деликатностью автор настоящих строк своевременно наемнул покойному на род его болезни (туберкулез гортани)... Не поверил... Лишился голоса, сил, работы. Что было — пролечил... Заверял, что ссуда от станицы в 200 драм его спасет, ибо надо сделать еще один укол, последний укол... Увы, не ошибся: ссуду получил, укол сделал, но больше лечиться не пришлось... Усопший спит в чужой земле спокойным, мертвым сном, — а семья?!

Помолимся, преклонимся пред свежими могилами. Быть может многих из нас ждет нечто подобное...

Как то, кажется, Витте сказал перед могилой одного из умерших государственных деятелей: „Старые уходят — молодых не видно...“ Не так ли тяжело обстоит у нас, казаков?..

Кубанец.

† Г. Ф. Паливода.

(К трехлетию со дня его смерти).

Дорогой брат! Ты о многом мечтал, и так сильно любил Казачество. Всегда, на своем верном коне, в боях лихо летал в атаку на врага. Ты был вольный казак и всегда стремился отстоять: казачью волю, ка-

Подхорунжий Гр. Фед. Паливода. Казак ст. Новоминской, умер 28 февраля 1928 г. в Панчевском госпитале (от туберкулеза).

зачье право и свою хату. По воле судьбы, нам пришлось оставить свою родину, мать Кубань. Ты прошел все этапы эмиграции, подал не один раз в тяжелые жизненные условия, но ты ни пред чем не останавливался, безропотно, как вольный казак, нес тяжелый крест в скитании. Ты никогда не переставал думать о матери Кубани и своем Запорожском полку, в котором ты служил. Твои мечты были — как можно скорей увидеть вновь свою мать Кубань.

Но, видимо, так Богу и судьбе было угодно, что ты заболел страшной болезнью, которая преждевременно свела тебя в могилу. Твои мечты и перед смертью были только о Кубани.

Спи ты, вольный казак матери Кубани, покойным сном в братской стране. Да будет тебе, дорогой брат, легка братская славянская земля.

К. Паливода.

В Казакии.

Доклад прибывшего „оттуда“.

8 февраля в Париже в К. К. сделало доклад лицо, на-днях приехавшее из СССР. Лицо это „коренной житель Кубани“, известный кубанцам, проживающим в Париже, где живут его братья.

Поднялся человек лет за сорок, среднего роста, с измученным лицом, в черной куртке и спокойным, тихим голосом начал свой „доклад“. То, что он говорил, назвать докладом нельзя. Да и сам „докладчик“ много раз оговаривался, что он не умеет говорить, что за 13 лет подневольной жизни в СССР сырого материала накопилось так много, что для того, чтобы привести все это в систему, составить стройный доклад, надо много времени. Поэтому, лучше было бы, если ему будут задавать вопросы, а он будет отвечать. В дальнейшем беседа и приняла форму вопросов и ответов.

Больше двух часов говорил он о советской жизни. В общем, ничего нового не сказал, но было интересно

живое слово простого человека, все это выносившего и только на-днях приехавшего.

— От небольшой группы донцов и кубанцев привет вам, — начинает докладчик. Вы все здесь имеете возможность собираться и свободно беседовать, все вы прилично одеты, сыты, но ничего подобного нет сейчас „там“, на Кубани, некогда богатой и обильной. Люди „там“ сплошь и рядом ходят босиком. О чоботах забыли. Питаются „непрерывкой“, „выдвиженкой“ и „комсомолкой“. Публика удивляется, но оратор объясняет: „непрерывка“, это — картошка, „выдвиженка“ — сухая вобла, а „комсомолка“ — бурак.

Говорит он о состоянии сельского хозяйства. Индивидуальный сектор сельск. хоз. влечит жалкое существование. „Частники“ подвергаются невозможным гонениям, поставлены в такие условия, что нет никакой возможности вести хозяйство. Скажем, хлеб засеян, созрел, надо жать, а жатки нет, нужно идти в сельсовет за жаткой (частных нет), а там очередь. Пока дож-

дешься очереди, хлеб может сгореть. Допустим, что вам удалось достать жатку и убрали во время хлеб. Нужно обмолотить — опять надо идти в совет за молотилкой. Кто имел свою молотилку, те в лучшем случае от нее отказались, а в большинстве случаев за свою молотилку угодили в тюрьму. Опять очередь и непомерный налог за обмолот. Теперь тут же из под молотилки все зерно берется по твердой цене в казну. Это последнее достижение советской техники. До этого зерно все так оставляли хозяину, а потом по дворам ходили и забирали. При такой системе казак все таки умудрялся кое что скрыть для себя. Практиковался обсыск зерна, искали зерно всюду вплоть до того, что зерно искали в чулках. Какое зерно может быть скрыто в чулках? Здесь преследовалась другая цель. Если в чулках или еще где нибудь находили советские деньги, то допрос — почему их скрывают, саботажник; если находили деньги царских времен, то опять допрос — почему их хранят, ждут „своих“ контрреволюционеров? И в том и в другом случае тюрьма, расстрел...

Социалистический сектор сельского хозяйства — колхозы — пользуется всяческим вниманием, поддержкой власти. Отбирается все у населения и дается все туда. Правда, нет еще нигде общего хозяйства, общего жилища для членов колхозов, крестьяне живут в своих домах, как и раньше, но все у них взято на учет и числится за колхозом. В колхозах жизнь еще не налажена, людям от них не легче, страдают, недоедают. Но, другого выхода нет и люди идут в колхозы „добровольно“. Я объехал почти всю Россию, люди несут адский труд, поля всюду засеяны, урожай приличный, но хлеба нет, народ голодает. Все вывозится... Так во всех областях хозяйства. В Туркестане, скажем, ругают Кубань, что она не дает хлеба, а на Кубани ругают туркестанцев, что для них вывозят их хлеб, а сами они голодают. Но на самом деле ни там, ни здесь хлеба нет. И там и здесь власть обманывает население, а хлеб исподтишка вывозят за границу. Характерно, что хлеб в Новороссийске не грузят на пароходы, чтобы не было видно народу. Огромные Новороссийские элеваторы пусты.

С внешней стороны промышленное строительство идет бешеным темпом. Всюду строятся грандиозные заводы, оборудованные по последнему слову техники, но какова в них производительность — не знаю. Что бы на этих заводах ни производили, то все равно не попадает населению. В Майкопе построен огромный завод „Лесо-Мебель“, но все, что он производит, мы не видим, идет мимо нашего носа... На заводах работают иностранные инженеры, получают большие оклады. Рабочим объясняют: все это наше, но мы пока не можем работать, а вот заплатим хорошие деньги иностранным инженерам, научимся у них, потом прогоним. Так для нас дешево, чем у них покупать машины. Рабочих это вполне удовлетворяет. Живется им плохо, хотя власть им предоставляет все возможные льготы. Рабочие проникнуты сознанием, что все это их. Это сознание заставляет их работать хорошо, легко переносить жизненные лишения, в надежде на лучшее будущее, достижение чего зависит от их, рабочих, старания. Они стараются. Это сознание крепко сидит у рабочих, примиряет с нуждой. Кроме этого сознания, власть располагает различными средствами для поднятия производительности труда рабочего: соцсоревнование, выдвиженчество, ударники... По сравнению со старой властью рабочие получили очень многое. Никакая другая власть дать рабочим больше того, что они имеют при коммунистах, не может...

Казак отбывают воинскую повинность на общих основаниях (полтора года), кроме того отбывают 3-х месячную т. н. территориальную службу на своих конях. Никакой казачьей формы нет, нет даже казачьих седел. Никаких специальных казачьих частей нет, вообще нет казачьего вопроса. На казаков общий нажим, конечно, сильнее, как на „состоятельную“ часть населения. Между казаками и коренным иногородним населением хорошие взаимоотношения, но наехала на Кубань масса „ваньков“ (особенно недружелюбным тоном произнес это слово „докладчик“), эти „ваньки“ находят на при-

вилегированном положении, к ним у местного населения недружелюбное отношение...

Население СССР можно грубо разделить на две категории: подрастающее поколение, воспитанное на коммунистических началах — комсомол, пионеры, пионеры — не знающие иной жизни, проникнутые идеей сознания нового быта, новой жизни. И второе — более старое поколение, знавшее прошлое, враждебное к коммунистам, но обреченное на гибель и тысячами гибнущее... Подрастающее поколение воспитывается в ненависти к буржуазному миру, в желании его уничтожить, истребить. Создающийся „там“ быт, мораль, нравы молодежь принимает как необходимое, как должное, как неизбежное следствие развивающейся жизни...

Школа и перевоспитание молодежи — огромная и трудная задача будущего... Реальной и действенной опорой советской власти являются: компартия, дивизионы ГПУ, ЧОН, Красная армия, молодежь.

Борьба и свержение советской власти из-внутри совершенно невозможна. Нет организации и невозможна она, ибо вся страна покрыта сетью провокаторов и никто никому не верит. А самое главное, нет идеи (очевидно, идея „Великая Россия“ никому ничего не говорит). Борьба с коммунистической властью возможна только извне. Но силами одной эмиграции, если бы даже она вся объединилась, ничего нельзя сделать, ибо коммунисты ее сотрут в порошок. Необходима серьезная помощь сильных европейских государств. М. б. желание такой интервенции обидно для русского человека, м. б. она принесет раздел России, часть ее превратится в колонию. Пусть, но население будет радо этому, ибо в колониях все таки люди живут, а „там“ сейчас нет никакой жизни для некоммунистов... Нужно бороться с советской властью методами коммунистов. Они решили истребить всех, кто не с ними и истребляют. И противники их обязаны действовать также.

Жив ли „там“ казачий дух? Да, жив! Но если пройдет еще 5—6 лет, то этого духа уже не будет...

Бывают ли „там“ восстания? Серьезных восстаний не бывает, но вспышки бывают. Все больше на почве хлебаготовки. Бывают „бабы бунты“. Бывали случаи, когда бабы разбивали отряд, разбирали, растаскивали собранное зерно. Горцы еще лучше делают: когда отряды приезжают в аул за зерном или еще зачем, то отдают все, а потом в горах догоняют, избивают коммунистов и отданное обратно забирают. Во время конфликта на ВКЖД была в одном Кубанском Округе пробная мобилизация. Население испугалось: часть бежала в горы, в лес, часть осталась и говорила — пусть дадут оружие, а там мы посмотрим, против кого его направить. Мобилизация не состоялась, а бежавших в лес потом уничтожали авиационными войсками с применением душливого газа...

Если казачья эмиграция организуется и придет в свои Края с иностранными силами, будет ли радо население? Безусловно будет радо, это было бы единственным спасением казаков...

В случае серьезного восстания или расширения освободительного движения народов — какую позицию займут русские рабочие? — Безусловно они будут на стороне коммунистов, на рабочих никто рассчитывать не может, ибо никто больше коммунистов им дать не может...

Докладчик утомился, собрание заканчивается.

Я очень беспорядочно передал содержание „доклада“. Может многое пропустил. Но иначе и нельзя было, так как сам „доклад“ носил очень беспорядочный характер. Но и в том, что я передал, есть очень много интересных утверждений, которые, если принять их за чистую монету, говорят за то, что у казаков есть единственный путь, который еще может спасти страдающее, умирающее Казачество. Это — путь самостийников, став на который, можно еще питать надежду освободить наши Края во время, зажечь свободной, привольной казачьей жизнью...

(Соб. Кор.)

Пишет отец сыну, донскому офицеру-инвалиду, работающему в Париже на фабрике. Интересна сама бумага, на которой это письмо написано: розового цвета бумага обыкновенного почтового формата. Наверху, на левом углу нарисованы серп и молот, направо надпись: „дело безбожников — дело Ленина“. На левой стороне листа снизу вверх надпись: „религия — орудие угнетения трудящихся“. Письмо написано 30 января 1931 г. Приводим это письмо так, как оно написано, по возможности с сохранением орфографии:

„Здорово дорогой М... позавчера, 24-го, получил я твое письмо, мы его прочитали... мать твоя плакала. Мы все рады, что ты живишь, слава Богу. И мы пока все живы и здоровы. Теперь мы М... в калевтине то есть в артели состоим, но не все. А есть еще живут одиноличниками, но их жмут идти в артель, да к весне все будут в артели, многие подадут заявления то их принимают в артель. М... теперь в артели как быки на один баз, и лошади на один баз, общия все что было нажитое раньше теперь все общее в Артели. М!.. колхоз, или калектив или артель, это все общее, как: хлеб сеять и вся работа общими силами, но по качеству человека... есть плотник, есть колесник. А еще есть иное раскулачивание: вытесняют. С. Д. с семейством отправили к белому морю на соловки, М., А., с сыном, Г. с сыном со всеми семьями к белому морю. С хут. Л: Г. и В. в тюрьме в Саратове сидят, В. со всем с женой и детьми у белого моря и с женой то врозь (в разных местах). Ну что творится нечево мы не поймем простым умом, что творится на белом свете и когда будет этому конец неизвесно. Г. писала тебе все новости, что творится у нас здесь, вслучае если получишь нашу письмо, то уведоми нас...“

Да тут все более разгорается: как да где кто служил кто, в белых, а кто бегал... кто богат, в особенности работников имел, — тресут. Но я более писать не могу да я и писать все неумею, ну прощай... до следующего письма... Твой О.

Поклон от нас... М! ты о приезде на родину не думай, а то на соловки спрутят к белому морю, тут что творится не дай Бог никому, это мой тебе совет от души, я тебе пишу, а посему буду ждать от тебя поклон. Прощай О.

Приписка от брата:

М!.. Н. я просватал на х. Н. к Х. теперь у меня осталось один сын и 5 дочек. Живется хорошо, за нуждой не ходим, да и не к кому идти, у всех через глаза. Пиши письмо окуратнее оттоль. Привет. Эх, что сей час делается и докуль? К.

II.

Здравствуйте дорогие детки!

Мы пока живы и здоровы, того желаем и Вам. Дорогие детки, нас уже выслали из родного дома и края. (Родители адресата: отец-старик 70 лет и мать-старуха 60 лет). Так что не пишите письма у Г. аж пока мы не остановимось, где нас останавлият. Тогда мы вам напишем. А вы будете тогда нам писать. Так что дорогие детки еще раз повторяю что мы уже вислани из Г. Дорогие сыночки вы думаете нам посылку подават. Но просим не нужно. Как будем мы где нибудь на месте, тогда видно буде. Нам дали только 2 лошади, гарбу и некоторое барахло, а все хозяйство осталось на месте.

Пишем вам это письмо последнее, чы мы живи будем или нет може поамерзаем дорогою. Бог знает увидемся мы с вами или нет. Вы у чужому краю, а мы пошли блукать по пыт тынею. До свидания, очень все сильно рыдаем. Не пишите пока мы не напишем, где будем как живи будем...

1 февраля 1931 г.

III.

... Чего это ты, М., вздумал приехать домой? Куда и к кому ты приедешь? Ведь у нас сейчас нет ни кола ни двора. Ну, куда ты приедешь? Мы как божие птишки, даже хуже — не имеем никакого своего гнезда. Но мы уже привыкли, мне уже 78 лет, страдать то уже не долго. Но а тебе, молодому, зачем добровольно лезть в ад? По моему, дорогой сынок, оставь свою мысль о возвращении домой. Лучше уж я не буду видеть тебя, чем видеть твои страдания...

Что делают оккупанты?

На „хлебном фронте“.

Ростовский „Молот“ 1 февраля приказывает: „Подтянуть отстающих!“ т. к. „последняя пятидневка дала явно неудовлетворительные результаты в нарастании темпов коллективизации и подготовки к севу“...

Там же читаем: „Колхозные семенные амбары еще не наполнены. Установленные сроки истекли. Засыпано только 70 процентов сем. фондов“.

Есть и... новый призыв: „Колхозная деревня — лицом к социалистическому городу!“

А ниже: „сдать хлеб по всему плану“.

Через неделю (7 февраля) снова клич: „Немедленно ликвидировать прорывы в сборе семфондов. — В отчетную пятидневку в колхозы вступило вдвое больше хозяйств, чем в предыдущую пятидневку. Однако, и в целом по краю, и по отдельным районам нынешние темпы коллективизации не гарантируют завершения сплошной коллективизации к началу весеннего сева.“

По зерновым районам продолжают недопустимо отставать в подготовке к сплошному колхозному севу Тимошевский, Азовский, Славянский, Красно-Сулинский, Шахтинский, Благодарненский, Медвеженский, Курсавский, Баталпаинский, Петровский районы“.

Хлебные фабрики.

В конце января в Екатеринодаре состоялся „с'езд по завершению сплошной коллективизации“.

Для характеристики этого с'езда ниже помещаем две речи, напечатанные в Краснодарском „Красном Знамени“ 28 января. Думаем, что особых пояснений не требуется. Вот они:

Речь колхозника ст. Ново-Величковской тов. Шемиленко.

Я в колхозе 4 года. Станица Ново-Величковская доверила мне в 1918 году жизнь фронтовиков, которых я должен был защитить от расстрела. Я оправдал ее доверие на 100 проц. Я думаю, что вы теперь должны поверить мне. Я обращаюсь к вам с воззванием — вступайте в колхоз! Верьте мне, я не желаю гибели ваших сыновей, братьев и отцов.

Я счастлив услышать здесь, что 20 единоличников из моей станицы, до моего выступления, заявили о вступлении в колхоз.

Давайте общими усилиями построим зерновую фабрику, которая даст нам возможность жить по-новому.

Мы часто говорим, что рабочие живут лучше нас: ходят в пальто и галошах. А почему у них пальто и галоши? Кто нам их не дает? Их нам не дает наш классовый враг, который мешает нам строить зерновые фабрики, который веками сидел на нашей шее, который веками заставлял нас есть тухлую селедку с квасом. Этот враг нашептывал нам про колхозы разные небывлицы. Он говорил, что партия хочет сделать из нас рабов.

Если бы партия этого хотела, она, прежде всего, закрыла бы все школы, уничтожила бы все книги, построила бы побольше церквей и одурманивала бы нас „законом божьим“. Партия же наоборот на каждом переулке кричит: стройте школы, открывайте ликпеункты. Она хочет сделать из нас разумных, передовых людей.

Я уверен, что наша станица Ново-Величковская выполнит задание по весеннему севу на 100 процентов. Нам нужно это сделать, ибо только если мы построим зерновые фабрики, то мы сумеем обуться и одеться.

Хлеб не нужно ссыпать в собственные закрома. Нужно работать коллективно.

Поймите, товарищи, за советскую власть, за коллективизацию мы отдали миллионы лучших жизней. А теперь, когда мы строим наши колхозы, нам мешает классовый враг и многие хлебобобы, слушая его, остаются за бортом. Единоличники должны понять, что тот, кто не хочет идти в колхоз, тот обрекает себя на явную гибель.

Я уверен, что каждый, раз'ехавшись по местам, поймет всю необходимость колхозного строительства, так как этим самым мы строим новую жизнь для нашего поколения.

Речь делегата ст. Воронцовской тов. Ермоленко.

В гражданскую войну мы добровольно шли на то, чтобы сложить свои головы за советскую власть. А когда мы добились советской власти, то нас чуть ли не силком приходится тащить в колхоз.

Посмотрим, что мы имеем в ст. Воронцовской. Там в четырех кварталах полное молчание. Это потому, что там подлая агитация кулацких подпольщиков.

С этими подпольщиками нужно решительно расправиться. Коллективизацию надо провести во что бы ни стало. Надо завтра же всем войти в колхоз. То-же положение, которое мы имеем в Воронцовской, является позорным. Если я прошел пески, то мне теперь не особенно приятно, когда глаза мне колят, говоря, что коллективизация у нас проходит плохо.

Давайте завершим поскорее сплошную коллективизацию.

Открыта подписка на 1931 год
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.
 Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казачи!
Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.